

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Евгения
Горская

БЕЛАЯ НЕВЕСТА,
ЧЕРНАЯ ВДОВА

Татьяна Устинова рекомендует

Евгения Горская

Белая невеста, черная вдова

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Горская Е.

Белая невеста, черная вдова / Е. Горская — «Эксмо»,
2017 — (Татьяна Устинова рекомендует)

ISBN 978-5-699-93122-4

Татьяна, врач-кардиолог городской больницы, привыкла к своему одиночеству, к размеренной и однообразной жизни. Когда-то у нее едва не завязался роман с коллегой Юрой, лишь случайность остановила ее от унижительной связи с женатым мужчиной, чему Таня теперь была очень рада. Она не собиралась ничего менять и вовсе не обращала внимания на соседа Степана, пока не оказалась вместе с ним вовлечена в загадочный водоворот. Сначала случился инфаркт у их пожилой соседки Инны Ильиничны, которая никогда не жаловалась на сердце, потом произошло убийство ее племянника, а следом за этим появился таинственный архив мужа Инны Ильиничны, в прошлом известного журналиста, где содержался компромат на влиятельных чиновников... Но больше всего Таню пугала Влада, бывшая невеста Степана, которая вознамерилась вернуть своего жениха. А Таня уже не представляла без него своей жизни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93122-4

© Горская Е., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Татьяна Устинова	6
14 марта, понедельник	8
15 марта, вторник	10
16 марта, среда	20
17 марта, четверг	28
18 марта, пятница	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгения Горская

Белая невеста, черная вдова

© Горская Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Татьяна Устинова

Я люблю хорошие книги про «обычных» людей!

Речь сейчас не идет о по-настоящему сложной, большой литературе, которая поднимает самые сложные и страшные вопросы – быть или не быть; тварь ли я дрожащая или право имею; что делать и кто виноват? Все это вопросы, поставленные писателями в разное время и в разных книгах, и ответов на них нет до сих пор – и вряд ли появятся.

Вернее так: в тот день, когда человечество поймет, как на них отвечать, оно, это самое человечество, и кончится. Ибо ему, человечеству, нечем станет заняться – не рассматривать же всерьез в качестве занятия улучшения качества селфи, прием витаминов для омоложения и постановку «Трех сестер» в новом, революционном прочтении!.. Вышеперечисленное не имеет никакого смысла, а вот эти вопросы – имеют!

Беллетристика была, есть и будет всегда – покуда не закончится цивилизация. Несмотря на то что она не поднимает вселенских вопросов и не создает исполинов духа, «литература для чтения» необходима любому человеку, даже самому высокообразованному, – чтобы неожиданно для себя, сидя с книжкой в метро или на даче, вдруг засмеяться или заплакать, задуматься о чем-то, вспомнить хорошее и порадоваться, что все впереди, вспомнить плохое и еще раз порадоваться, что оно миновало, посочувствовать героям, невзлюбить злодеев. Это и есть – человечность.

Кстати сказать, это очень человеческое занятие – описывать себе подобных, разбираться в их судьбах, рассуждать о поступках, рассматривать с разных сторон. Так вот, я не люблю, когда «книги для чтения» написаны плохо и повествуют невесту о ком – я не знаю таких людей, потому что их, таких, не бывает!..

А вот Таню Головину, героиню нового романа Евгении Горской «Белая невеста, черная вдова», я знаю!.. И вы знаете, дорогие читатели! Наверняка есть такие знакомые у вас или у ваших знакомых... Таня работает кардиологом в городской больнице. Она внимательная, добросовестная, сообразительная. Звезд с неба не хватает, зато порядочная – на ухаживания женатого заведомо отвечает сдержанно. Когда он переходит в наступление, отправляет к жене и малюткам. Молодец, Таня! С такой приятно дружить. Ведь читатель дружит с героями, покуда читает книгу. Или ссорится с ними. Или враждует. Книга – это серьезное и важное дело, небольшая жизнь, которую предстоит прожить от первой до последней страницы.

Таня Головина вызывает «Скорую», обнаружив на площадке соседку – той стало плохо, и она потеряла сознание, – и сама едет с ней в больницу, и каждый день справляется о ней, и навещает, и приносит таблетки. Таня – симпатичный человек!..

Конечно, она не знает, что в тот момент, когда карета «Скорой помощи» увозит соседку в больницу, воронка невероятных и опасных событий начинает медленно, но неудержимо закручиваться и из нее уже не удастся выбраться. С водоворотом придется бороться, одолевая, захлебываясь, опасаясь, что опасная глубина затянет и вода накроет с головой.

Мне нравится в книгах Евгении Горской, что ее герои – не только обычные, но и самые настоящие люди! Врач Таня Головина, живущая самой обыкновенной жизнью, словно получает от автора задание – разобраться в темной запутанной истории и получить правильный ответ. И награда за усилия – любовь, новое понимание жизни, уверенность в собственных силах.

Это достойная награда, доложу я вам!..

Человеку больше всего хотелось поторопить время.

Он так устал от ненависти и невозможности что-либо исправить и так хотел, чтобы кошмар, в который он попал, поскорее закончился, что перед этой усталостью отступал

даже страх. Впрочем, бояться было нечего. Никто и никогда не сможет доказать, что он как-то причастен к этой смерти. К смерти того, кому очень скоро предстоит умереть.

Главное – не стоит спешить, чтобы не допустить ошибок.

14 марта, понедельник

День выдался на редкость хорошим. В окно ординаторской светило солнце, Таня подставляла его лучам сомкнутые веки и наслаждалась проникающим сквозь кожу нежным теплом.

Хлопнула дверь, Таня с сожалением отвернулась от окна. Завотделением Юрий Васильевич постоял у порога в задумчивости и опустил в свободное кресло. Ему нечего было делать в ординаторской, он пришел ради нее, и Таня это знала.

В красавца и весельчака Юру были влюблены все врачи и медсестры отделения кардиореанимации. У него имелся лишь один существенный недостаток, перечеркивающий все достоинства, – Юра был женат.

О больных Таня рассказала Юрию Васильевичу еще утром, больше говорить им было не о чем, то есть, конечно, темы бы нашлись, только она эти разговоры не поддерживала. Сидеть молча в пустом помещении было тягостно, и Таня в который раз отправилась обходить больных.

Когда смена закончилась, солнце, конечно, уже село, зато наступил тихий, не по-мартовски теплый вечер, и она отправилась домой пешком. Юра догнал ее у ограды больницы, до метро было по пути, и они молча шли по просохшему чистому тротуару, вдоль которого еще лежал грязный снег.

Думать о Юре было нельзя, но она думала и, поднимаясь в лифте в квартиру, ругала себя за это.

Таня не успела испугаться, только удивилась, что дверь в квартиру напротив распахнута, и соседка Инна Ильинична Кривицкая лежит, прижавшись щекой к выложенному кафелем полу лестничной площадки. Дальше Таня все делала автоматически: прощупала слабый пульс, попыталась поднять веки и вызвала «Скорую».

Она сама снимала соседке кардиограмму дней десять назад. Кардиограмма была как у двадцатилетней.

Снова подошел лифт. Таня подняла глаза, она сидела на полу рядом с Инной Ильиничной. Из лифта вышел сосед из третьей расположенной на их этаже квартиры. Этого соседа Таня видела лишь трижды. Однажды они вместе поднимались в лифте, во второй раз спускались, а в третий столкнулись у дверей подъезда. В третий раз сосед с ней поздоровался, и она ответила.

– Что здесь?.. – недовольно спросил он, возвышаясь над Таней во весь свой немаленький рост.

– Думаю, что инфаркт, – констатировала Таня.

Куртка у соседа была расстегнута, на шее криво висел шарф, из-под шарфа виднелся тонкий серый свитер. Мужчина нервно переминался с ноги на ногу, кажется, ему до смерти не хотелось торчать рядом с ней у входа в собственное жилище.

– Наверное, ее надо перенести, – покосившись на Инну Ильиничну, предложил он.

– Лучше не трогать, – предостерегла Таня. – Сейчас «Скорая» приедет.

Он опять потоптался и тяжело вздохнул.

– Вы идите, – предложила Таня. – Вы сейчас ничем не можете помочь.

Как ни странно, сосед не ушел. Сел на корточки рядом с ней, но смотрел при этом в сторону и так явно тосковал, что Тане стало его жалко.

Послышались голоса, лифт выпустил троих мужчин в синей медицинской робе. Таня с облегчением вздохнула, стала объяснять бригаде «Скорой», как обнаружила свою соседку, настояла, чтобы женщину везли в кардиологическое отделение ее больницы, и о соседе совсем забыла.

Он обнаружился уже в машине «Скорой». Сел в уголок, глядя, как на Инну надевают кислородную маску.

– Зачем вы здесь? – удивилась Таня, присаживаясь рядом. – Я врач, а вам ехать незачем.
– Я поеду, – не глядя на нее, заявил мужчина.

Разговаривать он явно был не расположен, всем видом показывал, как тошно ему здесь находится. Непонятно было только, зачем поехал. Таня отвернулась.

Сосед ей решительно не нравился.

Потом она провожала каталку с Инной Ильиничной в реанимацию, разговаривала с дежурившим этой ночью кардиологом и опять наткнулась на соседа, когда выходила из больницы через приемное отделение.

Сосед с видом страдальца сидел на стуле, сжимая в руках серую кепку. Увидев ее, поднялся, пошел рядом.

– Она в реанимации, – объяснила Таня, хотя сосед ни о чем не спрашивал.

Он промолчал. Плелся за ней, уставившись себе под ноги.

Какого черта сидел в больнице, если его не интересует состояние Инны Ильиничны?

Улицы в этот поздний час были совершенно пусты, только редкие машины проезжали, освещая фарами грязный снег у кромки тротуара.

У метро весело смеялась компания молодых людей, сосед неодобрительно на них посмотрел.

Юра сейчас сказал бы что-нибудь вроде «как хорошо быть молодым», и Таня улыбнулась бы в ответ.

Сосед открыл рот, только когда они поднялись к себе на этаж.

– До свидания, – не глядя на спутницу, буркнул он.

– Спокойной ночи, – вежливо ответила Таня.

Только захлопнув за собой дверь, она вспомнила, что квартира соседки осталась незапертой.

Дверь следовало запереть. Но, во-первых, она не знала, где Инна Ильинична держит ключи, а во-вторых, ей ужасно не хотелось заходить без разрешения в чужую квартиру. Муж соседки когда-то был крупным чиновником, и одинокая пенсионерка Инна Ильинична не бедствовала. Дома у нее хранилось много антиквариата и разных ненужных штучек вроде больших изумрудных щеток или нерядовых картин на стенах. Конечно, если из квартиры что-то пропадет, женщина едва ли подумает на Таню, но все-таки...

Таня так и стояла, не раздеваясь, когда на площадке послышались шаги. Она отперла дверь, выглянула. Сосед направлялся к двери Инны Ильиничны.

– Хочу запереть квартиру, – заметив Таню, буркнул он.

– Вы знаете, где ключи? – зачем-то она отправилась за ним следом.

– Знаю.

Он пошарил рукой, зажег свет в чужой прихожей. Уверенно прошел к стоявшей у двери тумбочке, выдвинул верхний ящик, достал связку ключей.

В чужом доме мужчина ориентировался отлично.

– Спокойной ночи, – попрощалась Таня, не дожидаясь, когда он покинет соседскую квартиру, и наконец-то заперла дверь в свое жилище.

15 марта, вторник

Дробышев проснулся, как обычно, в семь. Выбрался из постели, поставил на плиту чайник, по привычке включил утренний новостной канал радио. Говорили о раскрытом деле масштабного воровства в Министерстве культуры, он немного послушал и выключил радио. Хищения в культурной сфере сейчас интересовали его меньше всего.

Нужно было позвонить Егору и Владе, рассказать, что Инна Ильинична в больнице. Звонить не хотелось до смерти, несмотря на то, что он давно уже мог думать о Владе спокойно. Вернее, он совсем о ней не думал.

Вчера из больницы он вернулся поздно, почти в два. Звонить среди ночи было невозможно, и неприятное действие пришлось отложить на утро.

Чайник закипел, он заварил себе чай прямо в кружке. Посидел, обняв кружку руками, и, нехотя поднявшись, поплелся в квартиру Инны Ильиничны.

Старую бумажную записную книжку он нашел рядом с телефоном. Открыл страничку с буквой «Е» в углу, сразу увидел аккуратно написанное «Егор», снял трубку стационарного «панасоника» и набрал записанный рядом с именем городской московский номер племянника соседки.

Длинные гудки шли долго. Немудрено, нормальные люди в это время еще спят. Он уже собрался положить трубку, когда в ней что-то щелкнуло, и тихий женский голос произнес:

– Аллю.

– Влада? – на всякий случай спросил Дробышев.

– Да... – растерянно произнесла она.

– Это Степан, – объяснил он. – Степан Дробышев.

– Степа? – удивилась Влада. – Приве-ет.

– Привет, – отозвался он. Дробышев уже забыл ее привычку немного растягивать слова.

Когда-то ему это очень нравилось, как нравилось в ней все. – Егор дома?

– Н-нет, – неохотно призналась она. – А что?

– У Инны Ильиничны инфаркт, – объяснил Дробышев. – Ее вчера отвезли в больницу.

– Егора нет. – Она растерялась, вздохнула. – Что же мне теперь делать?

Ему меньше всего хотелось думать о том, что же ей теперь делать.

– Ее отвезли... – Дробышев назвал номер больницы и посоветовал: – Позвони в справочную.

– А телефона справочной ты не знаешь?

– Не знаю. Посмотри в Интернете. Пока.

Больше говорить было не о чем, и он положил трубку.

Телефон зазвонил тут же, он даже не успел открыть дверь. Видимо, у Влады стоял определитель номера, и она знала, откуда он звонил.

– Степа, – попросила Влада. – Скажи мне свой мобильный.

Он послушно продиктовал цифры и опять проговорил:

– Пока.

Чай, пока он ходил в соседскую квартиру, совсем остыл, и Дробышев его вылил.

Ему было страшно думать о том, что Инны Ильиничны может не стать. Это было странно, потому что он вспоминал о соседке, только когда случайно ее встречал. Тогда же вежливо спрашивал, не нужна ли ей помощь. Женщина помощи не просила.

Он твердо знал, что сам он мгновенно получит от нее любую помощь, если таковая потребуется.

Дробышев снова заварил чай и снова не стал его пить. Достал планшет, нашел в Интернете телефон справочной больницы, позвонил, послушал длинные гудки. Ему не ответили, кажется, справочная еще не начала работать.

Еще, наверное, стоило позвонить родителям, рассказать про Инну, но будить родителей в такую рань он не стал. Выпил остывший чай и поехал на работу.

К новой квартире Таня еще не привыкла. Квартиру ей купил отчим. Можно было и не покупать, поскольку мама после нового замужества переехала к мужу, и Таня вполне уютно чувствовала себя в их маленькой старой хрущевке. При прежнем мэре хрущевку собирались снести, но у нового мэра нашлись дела поважнее, и несколько утопавших в зелени домов продолжали стоять.

– Я куплю тебе квартиру, – сообщил отчим, оглядывая заставленные старыми книжными шкафами стены. Таня пыталась возражать, но отчим возражений не слушал. Он смотрел на маму счастливыми глазами, и было видно, что тратить на жену деньги является отныне его первостепенной задачей.

Маме повезло. Муж не только очень ее любил, но и был человеком весьма небедным.

Идея с квартирой для падчерицы засела у отчима в голове прочно, Таня настояла только на том, чтобы это не была элитная новостройка. Ее зарплата никак не тянула на элитарных соседей. Сошлись на старом кирпичном доме рядом с больницей.

Квартира оказалась небольшой, только с очень высокими потолками, к которым Таня никак не могла привыкнуть.

С Инной Ильиничной она познакомилась сразу, когда в квартиру только завозили мебель. Веселая соседка Тане понравилась. И Таня ей понравилась. При встречах они останавливались поболтать, а когда соседка узнала, что Таня работает в соседней больнице, Таня сделалась практически ее домашним доктором.

Впрочем, Инна Ильинична не была любительницей полечиться. Таня сама настояла на том, чтобы снять ей кардиограмму.

День опять выдался на удивление солнечным. Идти по улице было приятно, и Таня старалась не спешить в отделение. Юрия Васильевича она заметила выходящим из метро. Убавила шаг, надеясь, что тот заспешит к больнице, но заворотом обернулся, дождался, когда она подойдет.

– Знаешь, – признался он, вышагивая рядом. – Для меня все дни делятся на те, когда я тебя вижу, и те, когда не вижу.

– Юра, перестань, – попросила Таня.

Ей не нравилось звать его Юрой, но он просил, и она говорила Юра, когда никто не слышал.

– Я не могу бросить своих детей, – в который раз начал он объяснять. – Но я хочу тебя видеть и хочу быть с тобой.

– Юра, ну не надо, пожалуйста.

Этот бесконечный разговор ей давно уже надоел.

Наверное, будь он свободен и предложи ей руку и сердце, Таня немедленно согласилась бы. Но он не был свободен, и представлять, как она обнимается с ним тайком, оглядываясь на дверь ординаторской, было невыносимо.

– Пригласи меня сегодня в гости. – Он остановился, взял ее за плечи, заглянул в глаза.

Она дернула плечами, вырываясь. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь их увидел.

– Юра, пожалуйста, не надо!

– Я тебе неприятен?

– Нет, – честно сказала Таня. – Ты мне приятен. Просто я не хочу быть ничьей любовницей. Извини.

– Ты не любовница, ты моя любимая женщина. – Он снова зашагал вдоль забора больницы.

Таня молча пошла рядом.

– Ну кто виноват, что мы встретились сейчас, а не пять лет назад?

– Никто, – констатировала она.

Грязный снег под деревьями осел, обнажая следы выгула собак. Таню давно занимало, как собачники проникают на территорию, если больница обнесена сплошным забором, а при входе всегда дежурит охрана.

– Я ночью привезла свою соседку, – доложила Таня. – Похоже на инфаркт.

– Сколько лет? – Взгляд у Юры сразу стал собранным. Он хороший врач, отличный, недаром стал заведованием.

– Семьдесят. – Таня помолчала и неожиданно добавила: – Я недавно снимала ей кардиограмму. Отличная была кардиограмма. Не понимаю, откуда мог взяться инфаркт.

– На все воля божия, – усмехнулся Юрий Васильевич.

Их догнала полная докторша из хирургического. Юра заговорил с ней, Таня отстала, пошла медленней.

В отделении все было без перемен. Инна Ильинична спала, к носу и рукам тянулись резиновые трубки. Таня постояла около соседки, вернулась в ординаторскую, достала из сумки расческу, вернулась, пригладила спутанные волосы пожилой женщины.

Если у Инны Ильиничны есть родственники, им нужно сообщить. Таня вздохнула, подошла к следующему больному. Рабочий день начался.

Болезнь тетки была хорошим поводом позвонить мужу. Конечно, Влада и просто так звонила, без повода, но в таких случаях Егор, как правило, только злился, и разговора не получалось.

Влада подошла к большому зеркалу в спальне, критически себя оглядела, осталась довольна. Фигура у нее отличная, почти идеальная. И лицо хорошее, никогда не скажешь, что уже тридцать.

Ну разве можно ее сравнить с девками, с которыми Егор путается? А девок на протяжении семи лет их брака было немало.

Влада себя не обманывала, мужа она давно не любила. Она его ненавидела.

За окном было солнечно. В такую погоду хорошо съехать на лыжах с некрутого склона, крутых склонов Влада опасалась. И чтобы внизу любимый и любящий мужчина подхватил ее, смеющуюся после удачного спуска, и целовал у всех на виду. А потом бы они сидели в маленьком кафе, пили кофе или коктейль и знали, что впереди у них чудесная длинная ночь и еще много таких же прекрасных ночей и дней.

Ничего такого в их с Егором жизни не было. На лыжах кататься ездили, конечно. И кофе в Альпах пили. Только счастья, от которого все время хочется смеяться, она не ощущала.

Смеяться ей хотелось когда-то давно, со Степой.

Влада села в кресло, поджав под себя ноги, помедлила, вздохнув, взяла лежавший рядом на маленьком столике телефон, набрала мужа и слушала гудки, пока механический голос не сообщил ей, что абонент не отвечает. Как будто она сама этого не поняла.

Степкин звонок отчего-то разволновал. Не потому, что тетка заболела, до тетки Владе не было особого дела, а так... Просто ее больше никто никогда не любил так трогательно, как Степа.

Они были бы прекрасной парой, если бы Степа мог обеспечить ей такую же жизнь, как Егор. Это вранье, что с милым рай и в шалаше. С милым рай в шалаше, если шалаш в раю. У Степы никогда не было и не будет таких денег, к которым она привыкла.

Влада покосилась на телефон, снова звонить не стала. Егор уехал в пятницу вечером. Отдохнуть, объяснил он. Отдыхать на дачу он ездил примерно раз в месяц. Приезжал помятый, опухший от двухдневного пьянства. Она примерно представляла, как он там «отдыхает».

Хоть бы он совсем не вернулся!

Ну почему инфаркт случился с безобидной Инной, а не с ним?!

По телику все время говорят, что инфаркты молодеют. У маминой подруги сын в тридцать четыре года умер, а не пил, не курил. Егору скоро сорок, а ничего ему не делается.

Мысли были страшные, недостойные. Влада торопливо перекрестилась.

Вообще-то, Егор должен был вернуться еще вчера. Обычно он так долго свои загулы не затягивал, возвращался в понедельник. Иногда даже в воскресенье.

Влада опять покосилась на телефон, вздохнула, вновь набрала номер. Пусть вызовов будет два, муж должен понять, что случилось что-то непредвиденное.

В больницу тоже нужно было позвонить. Перед Егором она должна выглядеть безупречно, заботливой. Влада нашла в Яндексe телефон больницы, дозвонилась с первого раза, повезло.

Инна Ильинична Кривицкая лежала в реанимации, и навещать ее было нельзя, опять повезло. Тащиться в больницу Владе совсем не хотелось.

Она боялась болезней. Когда слышала о чьих-то недугах, разводила перед собой руками и мысленно повторяла: «меня не касается, ко мне не относится». Чтобы плохая энергетика действительно ее не коснулась.

Владу этому научили на психологических тренингах. Ее там многому полезному научили. Например, как всегда выглядеть перед Егором любящей и понимающей женой. Тренинги Владе ужасно нравились, она была благодарна подруге, которая ей посоветовала на них походить, и совсем не жалела потраченного времени.

Муж перезвонил, едва она закончила говорить со справочной больницы. Даже странно, она думала, часов до трех глаз не продерет.

– Егор, – быстро проговорила Влада. – Инна в больнице, у нее инфаркт. Сейчас она в реанимации, пока к ней не пускают.

Муж не спросил, откуда она это узнала, и про Степин звонок Влада решила не говорить.

– Когда ты приедешь?

– Завтра, – подумав, решил он.

Не иначе как от очередной девки оторваться не может.

– Я соскучилась, – соврала Влада.

– Я тоже, – соврал Егор.

Влада повертела в руках замолкнувший телефон, положила назад на стол. И неожиданно почувствовала, что ей до смерти хочется увидеть Степу.

Дробышев знал за собой полезную особенность – полностью отключаться от всего лишнего, когда работал. На этот раз отключиться от болезни Инны Ильиничны почему-то не получилось. Зря он не считал ее близким человеком, получалось, что это совсем не так.

Мама с соседкой были очень дружны. Сейчас родители постоянно жили в загородном доме, но мама созванивалась с Инной часто, почти каждый день. Правда, недавно родители уехали на три месяца в Италию, куда папу пригласили прочитать лекции.

Дом построили как дачу несколько лет назад. Тогда Дробышеву в голову не приходило, что родителям так понравится загородная жизнь, что их старая квартира поступит к нему в полное распоряжение. Тогда он снимал квартиру, съемное жилье его вполне устраивало, и в доме, в котором вырос, он появлялся нечасто. Только на семейные праздники или когда нужно было помочь родителям.

Встречая соседку, перекидывался с ней парой слов и снова забывал о ее существовании до следующей встречи.

Инна Ильинична была пианисткой. Когда-то аккомпанировала известным певцам, в последние годы подрабатывала учительницей музыки.

В детстве он любил слушать, как Инна Ильинична играет. А еще больше любил, когда она не только играла, но и пела. Ему тоже хотелось уметь играть и петь. Правда, когда родители решили, что пришла пора обучать его музыке, отказался сразу, наотрез. Просиживать часами за пианино было для него задачей совершенно непосильной.

Соседка тогда встала на его сторону. «Делать нужно только то, что необходимо, и то, что хочется, – смеялась Инна Ильинична. – Большой необходимости за фортепьяно сидеть для Степы я не вижу. Не хочет, и не надо. Отстаньте от ребенка».

В справочную больницы он дозвонился еще утром. Понимал, что новых сведений справочная не даст, но зачем-то позвонил еще раз, снова выслушав, что состояние больной тяжелое.

Что новая соседка работает в больнице, где сейчас лежит Инна, он понял еще вчера. Не понять этого было трудно. Сейчас он очень жалел, что не узнал, как девушку зовут, и не спросил телефон. В том, что соседка обязательно навестит Инну, он почему-то не сомневался.

Зазвонил сотовый, он посмотрел на дисплей – номер был незнакомый.

– Сте-опа? – спросил женский голос.

Голос он в первый момент не узнал.

– Влада? – вздохнув, догадался Дробышев.

– Степа, нам надо встретиться.

– Зачем? – не понял он.

– Ты должен рассказать мне про Инну. Понимаешь, Егора нет, он приедет только завтра. Я должна знать, что случилось с Инной. Я беспокоюсь.

– Да я сам толком ничего не знаю, – объяснил Дробышев. – Шел вечером с работы, увидел, что Инна лежит возле своей квартиры без сознания. Ее новая соседка обнаружила. Успела вызвать «Скорую». Она врач, новая соседка. Вот и все, больше я ничего не знаю.

– Может, попробовать все-таки пройти в реанимацию? Ну... заплатить кому-нибудь. Степа, помоги мне. Пожалуйста.

Голос у Влады дрожал.

Дробышев понятия не имел, кому надо платить, чтобы проникнуть в реанимацию.

– Я поговорю вечером с соседкой-врачом, – решил он. – И позвоню.

Влада опять быстро заговорила, но он слушать не стал, отключился.

Он хотел умереть, когда Влада сказала, что решила быть с Егором.

Соседкин племянник был старше Дробышева на восемь лет. Маленький Степа мечтал стать таким, как Егор. Красавец Егор, под два метра ростом, косая сажень в плечах, был неотразим. Мама и Инна непрерывно хохотали, когда он приезжал к тетке. Егор рассказывал анекдоты, пародировал известных личностей, с юмором оценивал текущее экономическое положение. С ним было легко и весело.

Остальных племянников Инны Ильиничны Дробышев знал плохо. Детей у Инниного брата Максима Ильича было много, жен тоже, и Дробышев даже имен остальных племянников не помнил.

К вечеру Дробышев понял, что болит голова. Посмотрел на часы – минут через десять столовая должна закрыться. Он быстро сбежал по лестнице, успел, улыбочивая полная блондинка за раздаточной стойкой налила вкусно пахнущего супа, положила на тарелку последний оставшийся кусок мяса.

– Великий пост, – весело заметила, подавая ему тарелку.

– Ничего, отмолю, – успокоил Дробышев.

Поднявшись к себе, он заварил чай, опустив в кружку вместо одного пакетика два, с удовольствием выпил. Голова прошла.

Он снова сел за компьютер, но потом быстро его выключил, оделся, сунул телефон в карман куртки и подхватил рюкзак, с которым неизменно являлся на работу.

– Степан, ты не заболел? – проходя мимо, удивился новый, недавно назначенный замдиректора. Обычно Дробышев уходил только поздним вечером.

– Не заболел, – ответил он. – У меня дела сегодня.

Новый зам Дробышеву нравился. Особенно нравился тем, что не лез в его дела. Этого Дробышев не терпел.

Яндекс пугал, что в городе семибалльные пробки, но Дробышев доехал быстро, только, как обычно, постоял у поворота на свою улицу. Сейчас он проехал дальше, нашел место у забора больницы, припарковал машину. К столу охранника в проходной стояло несколько человек. Называли фамилию больного и номер отделения, хмурый охранник сверялся с записями в большой тетради, пропускал навещающих. Пропускал почему-то неохотно.

Не пропустит, с тоской подумал Дробышев, опять досадуя, что не узнал имени и фамилии новой соседки. Она здесь работает, могла бы помочь. Дождаться своей очереди не стал, выбрался на улицу, медленно пошел вдоль забора.

Брат Инны Ильиничны Максим умер в прошлом году. Инна сразу как-то потухла, сделалась меньше ростом. При жизни брата без конца с ним ругалась, приходила к маме жаловаться, плакала. Утверждала – никогда больше ему не позвоню! Все, и она сама в первую очередь, понимали, что позвонит, помирится, опять начнет переживать, когда заболеет очередной племянник.

Ссорилась с братом соседка из-за всякой ерунды. В последний раз, кажется, ссора возникла из-за Крыма. Но это так, внешне. На самом деле брат и сестра по-разному относились к жизни вообще. Максим Ильич шел по жизни легко, во всем не упускал собственной выгоды и плевать хотел, если эта выгода приносила кому-то большие неприятности.

Инна Ильинична по-настоящему страдала, даже если случайно кого-то обижала. Специально она не обижала никого.

В одном месте металлические прутья забора оказались погнутыми. Дробышев примерился и, рискуя застрять, пролез между раздвинутыми прутьями. Прямо от этого места к ближайшему корпусу вела хорошо протоптанная тропинка. Не он один такой умный.

Выбрался на асфальтовую дорогу, огляделся. Остановил двух пробегающих мимо совсем молоденьких девушек, спросил, где кардиореанимация. У девчонок из-под курток виднелись белые халаты – медсестры. Девушки объяснили.

В реанимацию его, естественно, не пустили. Строгая дама недовольно объяснила, что посещения запрещены и делать ему здесь нечего. Потом, правда, смиростивилась, скупое заварила, что отделение у них отличное, и врачи отличные, и с больной Кривицкой, бог даст, будет все в порядке.

К машине Дробышев вернулся нормальным путем, мимо охранника. Поставил машину возле своего подъезда, вертя в руках ключи, направился к двери и не сразу обернулся, когда кто-то его окликнул.

Около припаркованной рядом «Вольво» стояла Влада.

Таня подходила к Инне Ильиничне несколько раз. Соседка лежала с закрытыми глазами, очень бледная, с синевой на губах. Впрочем, пышущих здоровьем больных в кардиореанимации никогда не было.

Две недели назад у женщины было абсолютно здоровое сердце. Отличная кардиограмма, никакой отечности.

– Танечка, чаю хочешь? – предложила самая старая в отделении врач Ольга Петровна, когда Таня в очередной раз зашла в ординаторскую.

– Хочу, – решила Таня.

Бросила в чашку пакетик чая, села рядом с Ольгой Петровной.

– К Крутицкой сейчас парень какой-то приходил. – Ольга Петровна полезла в сумку, достала завернутый в фольгу пирожок, протянула Тане. – Угощайся. В «Алых парусах» купила. Самой-то печь некогда. Да и лень.

Таня откусила пирожок, покачала от удовольствия головой.

– Очень вкусно. Спасибо. Крутицкая моя соседка.

– Выкарабкается, – кивнула доктор, подумала и на всякий случай постучала по деревянному столу.

– Я ее почти не знаю, – проговорила Таня и задумалась. – Надо бы родственникам позвонить, а я даже не знаю, есть ли у нее родственники.

– Так приходил же парень, – удивилась Ольга Петровна.

– Это сосед. – Таня произнесла это уверенно и тут же засомневалась. Сосед вчера казался очень недовольным, что ему пришлось возиться с Инной. С какой стати он пришел бы сегодня?

– А как парень выглядел?

– Как все. Высокий, в серой куртке.

На соседе вчера была надета серая куртка, но в таких куртках ходит половина Москвы.

Заглянул Юрий Васильевич, постоял в дверях, вышел. Думал застать ее одну.

Год назад ей льстило, что он ищет с ней встреч.

Год назад она сама ждала, когда его увидит, и ревновала к сестрам, с которыми он любил посмеяться.

– Жалко мне его, – вздохнула Ольга Петровна.

– Кого? – не поняла Таня.

– Юру.

– А что его жалеть? – удивилась Таня. – У него все отлично.

– У него жена стерва, – заявила Ольга Петровна. – А мне жаль мужчин, у которых плохие жены.

Жена Юрия Васильевича работала медсестрой в отделении еще до Тани. Когда Таня пришла сюда работать, у Юры как раз родился второй ребенок.

Историю Юриной женитьбы Таня слышала неоднократно. Молоденькая, только-только после медучилища, Ксения окрутила Юрия Васильевича быстро и прочно. С ходу добилась того, что другим никак не удавалось.

– Да будет вам, Ольга Петровна. Это она для вас стерва, а для него она очень даже хорошая.

– Так не бывает, Танечка. – Ольга Петровна сполоснула чашку у стоявшей в углу ординаторской раковины, сунула в ящик стола. – Хороший человек ко всем относится хорошо, а плохой – ко всем плохо. Ксюшка с первого дня принялась на всех начальству доносить. Кто капельницу забыл вовремя снять, кто еще что. Ко мне сто раз прибегала и при этом делала вид, что очень за больных переживает. Так противно! У нас в отделении безответственных и без нее не держат, ты же знаешь.

– Ну, на Юру-то она доносить не станет. – Таня тоже вымыла свою чашку и тоже убрала в стол. – Быть стервой еще не значит быть плохой женой.

У Ольги Петровны зазвонил мобильный, она ответила, быстро заговорила. Таня посмотрела на часы, переоделась, вышла в больничный двор.

Вечер был по-весеннему теплым. Даже легкий ветерок казался не противным, как всю долгую зиму, а по-настоящему ласковым.

У ближайшей остановки ее обогнал троллейбус. Можно было пробежать несколько метров, успеть в раскрывающиеся двери, но Таня бежать не стала. Троллейбус медленно отъехал, остановился впереди у светофора.

Лежавший вдоль тротуара снег почти растаял.

С зимой в этом году повезло. Уже с февраля начались оттепели, мягко переходящие в настоящую весну. Когда-то Таня любила зиму, ездила с папой в Лосиный Остров кататься на лыжах. Папы не стало давно, пятнадцать лет назад. Она с тех пор ни разу не встала на лыжи.

У пешеходной зебры ее обогнал мальчишка лет тринадцати с пушистой рыжей собакой на поводке. Собаку мальчик еле удерживал.

На этом месте Юрий Васильевич впервые догнал Таню, когда она так же возвращалась из больницы. Тогда Таня проработала в отделении всего несколько дней и даже, кажется, не помнила, как зовут веселого молодого доктора. Юра тогда еще не заведовал отделением.

– Ну как вам у нас? – спросил молодой доктор. – Нравится?

– Не знаю, – честно ответила тогда Таня.

– У нас отличный коллектив, – сообщил он.

Тогда у Тани еще не было квартиры рядом с больницей, и они вместе проехали пару остановок на метро.

В соседской квартире окна не светились, Таня специально посмотрела снизу. Но она все-таки нажала на кнопку звонка и с минуту подождала у закрытой двери соседа.

Дверь ей никто не открыл, и узнать, есть ли у Инны Ильиничны родственники и как с ними связаться, не удалось. Впрочем, сосед мог этого и не знать.

Влада ждала Степана долго. Сидела в машине, скучала и ругала себя за то, что рано приехала. Знала ведь, что с работы он вернется поздно. Вернее, она отлично знала своего бывшего жениха. Он еще тогда, в юности, не умел развлекаться и радоваться возможности ничего не делать, как все нормальные люди. Даже при ней утыкался в книгу, хотя это было просто невежливо.

Он тогда часто ее раздражал. Но было и другое, была твердая уверенность, что Степа никогда ее не предаст. Он скорее умрет, чем причинит Владе хотя бы малейшую боль.

Егор принес ей столько боли, что непонятно, как она все это терпит до сих пор.

Еще Влада помнила чувство, которое испытывала только рядом со Степой. Рядом с ним она казалась себе слабой и маленькой, и ей это нравилось. Без него она стремилась быть сильной и знала, что у нее получается. Без этого в жизни ничего не добьешься.

Из подъезда вышла молодая мамочка с ребенком лет полутора. Ребенок ходил еще плохо, падал, женщина его подхватывала. Влада посмотрела на неуклюжего малыша, отвернулась.

Егор о детях никогда не заговаривал. Ну и она помалкивала. На примере свекра знала, что мужчину ребенком не удержишь, а у самой потребности навсегда перечеркнуть собственную жизнь как-то не появилось. Подруги рожали, ходили замотанные, невыспавшиеся, а она выглядела намного моложе своих лет и жила в свое удовольствие. Удовольствий особых, правда, не было, но это дела не меняет.

Отец у Егора был известным журналистом. Переходил из газеты в газету, появлялся на радио, иногда мелькал по телику. Собственно, она вышла за Егора из-за его отца. Дети папы-журналиста не бедствовали.

Откуда у журналиста деньги, Влада не понимала ни тогда, ни сейчас. Сейчас она понимала другое, есть вещи даже более важные, чем деньги, – связи.

Папины связи обеспечили Егору вполне успешный бизнес.

Егор был у отца старшим сыном. С его матерью папа развелся давным-давно, но ребенка не забывал. С тех пор свекор был женат еще три раза и детей имел с десяток. Впрочем, это его дело.

Свекор Владе очень нравился, жаль, что умер год назад. Дядька он был веселый, умный и проницательный и, казалось, видел Владу насквозь, но это их легким отношениям совсем не мешало. Свекор шутил, Влада искренне смеялась.

Лучше бы уж свекровь преставилась! Влада быстро перекрестилась, поругала себя за дурные мысли.

Свекрови Влада не нравилась.

Ну и черт с ней, для Егора мнение матери мало что значило.

В какой-то момент Влада испугалась, что Степа может совсем не прийти. Инна как-то рассказывала, что ее соседи переехали за город и в квартире поселился Степа, но это было давно, года три назад. С тех пор все могло измениться.

Степа мог даже жениться. Впрочем, нет. Об этом Егорова тетка наверняка сообщила бы. Подожду еще полчаса, решила Влада.

Мамаша с малышом нагулялись, вошли в подъезд. Влада откинулась на сиденье, закрыла глаза. В машине тихо играла музыка.

Глаза она открыла, когда рядом, негромко шумя, остановилась машина. В первый момент она Степана почему-то не узнала, она давно его не встречала. А потом почувствовала, что отчего-то волнуется. А вообще-то, ее давно трудно было разволновать.

– Степа! – позвала Влада. – Сте-опа!

Он недовольно оглянулся, увидел ее, замер.

– Степа! – быстро подошла к нему Влада и неожиданно призналась: – Я ужасно рада тебя видеть.

– Привет, – вздохнул он, глядя куда-то поверх ее головы.

– Ты должен рассказать мне про Инну, – напомнила она.

Он не шелохнулся, стоял, загораживая ей путь к двери подъезда.

– Я тебе все рассказал.

– Ты ничего мне не рассказал, – опешила Влада. – Ты только сказал, что она в больнице, и все.

– Я сам больше ничего не знаю.

Она не так представляла их встречу. Она была уверена, что он, несмотря ни на что, будет рад ее видеть.

Владе никак не удавалось поймать его взгляд, и это мешало ей чувствовать себя привычно спокойно. Она давно умела внушить себе спокойствие. Надевала его, как маску, разговаривая со всеми, даже с мужем.

Она привыкла к этой маске и радовалась своей выдержке, а сейчас почему-то об этом пожалела. Наверное, потому, что Степа любил ее другую, с эмоциями. С обидами, со ссорами.

– Мы так давно с тобой не общались, – помолчав, вздохнула она. – Давай просто поговорим, если не хочешь говорить об Инне.

– Как живешь? – без особого интереса спросил Дробышев, переступив с ноги на ногу.

– Плохо, – честно ответила Влада.

Он промолчал. Кивнул подходящей к подъезду пожилой женщине, посторонился, пропуская тетку. Влада посмотрела тетке вслед, ей было хорошо за пятьдесят.

Приглашать Владу домой Степа не собирается, это ясно.

– Давай посидим где-нибудь, – предложила она, легко взяв его за рукав.

Под рукавом чувствовались крепкие мышцы. Когда-то он гордился своими мышцами. Напоказ это не выставлял, конечно, но она знала. Он поднимал Владу на руки, а она брыкалась. Тогда она думала, что будет с ним всегда.

Или нет? Или она и тогда внимательно смотрела по сторонам и отлично понимала, что главное в жизни – это деньги? У Степы настоящих денег не было и никогда не будет.

– Давай поищем какое-нибудь кафе, – быстро произнесла Влада, всерьез опасаясь, что он решит посидеть с ней на лавочке у подъезда.

Отдернула руку и, стараясь не спешить, двинулась в сторону метро. Он догнал ее через несколько шагов. Это была хоть и небольшая, но победа.

Она сумеет с ним справиться. Она всегда достигает поставленных целей.

Кафе у метро было много. Влада осмотрелась, выбрала «Шоколадницу». Когда подошел официант, заказала слабоалкогольный коктейль. Коктейли она любила.

– Простой черный чай, – хмуро сделал заказ Степан.

– Расскажи о себе, – попросила Влада, когда официант отошел.

Степа не ответил.

Господи, как с ним тяжело! Ей всегда было с ним тяжело.

Она на него злилась и обижалась, но ей никогда и ни с кем не было так хорошо, как с ним.

– Тебе противно меня видеть? – Влада посмотрела на большого медведя-панду, криво сидящего на подоконнике.

– Перестань, – поморщился Степан.

– Степ. – Влада почувствовала, что подступили слезы. Меньше всего она думала, что когда-нибудь заплачет из-за Степки. – Если тебе противно меня видеть, я сейчас уйду.

– Мне не противно тебя видеть. – Он наконец-то на нее посмотрел.

Ну слава богу, а то бы действительно пришлось уйти.

– У тебя есть девушка? – Она провела пальцами по его запястью, улыбнулась.

Она спрашивала просто так. Это легкий разговор двух старых друзей, не больше.

– Не обсуждается.

Он не изменился. Она ожидала подобного ответа.

Снова подошел официант, поставил напитки, она дождалась, когда он отойдет.

– Знаешь, – Влада откинулась на спинку кресла, посмотрела на потолок, потом в окно и сказала то, чего говорить не собиралась: – Я никогда Егора не любила. Я любила тебя. Только я тогда этого не понимала.

Он отпил свой чай, даже не посмотрев на нее. Владе стало совсем тоскливо.

Этого всего не надо было говорить, но она продолжала:

– Я действительно тебя любила. Просто... я была слишком молодой.

Сцена выходила вконец пошлой, Влада замолчала.

– Как ты живешь? – наконец вздохнула она. Разговора решительно не получалось.

– Нормально, – наконец разжал он губы.

Влада промучилась с ним еще полчаса, потом они вернулись к своим машинам. Выезжая из знакомого двора, она неожиданно улыбнулась. Снова привязать Степу будет нелегкой задачей, но такие трудности Влада любила. Иначе и жить было бы неинтересно.

Из всех мужчин на свете ей хотелось снова привязать к себе одного Степу.

16 марта, среда

Таня проснулась рано, еще даже не рассвело. Можно было немного поваляться в постели, но она встала, сварила кофе, заставила себя съесть бутерброд с колбасой.

Настроение отчего-то было отвратительным.

Накануне, когда она уже собиралась ложиться спать, в дверь позвонил сосед. Не глядя на нее, спросил, как Инна.

– Будем надеяться, – докторским тоном сказала Таня. – У нас хорошая больница и отличные врачи.

Сосед кивнул, молча повернулся, в два шага оказался у собственной квартиры.

Таня захлопнула дверь и вспомнила, что не спросила главного – есть ли у Инны родственники. Снова выглянула на лестничную клетку, но соседа уже не было. Звонить ему в дверь ей не захотелось.

Сейчас соваться к соседу было рано. Таня оделась и медленно пошла к больнице. Юрия Васильевича у метро, к счастью, не встретила, и по дороге он ее не догнал.

Сегодня Инна Ильинична выглядела лучше.

«Все обойдется», – с облегчением подумала Таня, подходя к кровати соседки.

Увидев Таню, пожилая женщина слабо улыбнулась.

– Все будет хорошо, – пообещала Таня и взяла ее за руку. – Вы не волнуйтесь, отдыхайте.

Инна благодарно сжала ей пальцы.

– Ничего не помню, – пожаловалась женщина.

– Это не страшно, – успокоила ее Таня. – Вспомните. Это я вас обнаружила. Вам стало плохо, и я вызвала «Скорую». У нас отличная больница, скоро будете как новенькая. Только не беспокойтесь ни о чем. Лежите и отдыхайте.

– Танечка, – говорила соседка тихо, с трудом. Таня наклонилась поближе. – Вы сможете принести мне вещи?

Когда больных переводят из реанимации в обычные палаты, им требуется не только одежда. Требуется расческа, зубная щетка, много всего.

– Конечно, – ответила Таня. – Я все сделаю, не волнуйтесь. Мы с соседом заперли вашу квартиру, ключ сейчас у него.

– Спасибо, – прошептала Инна Ильинична и слегка улыбнулась. – Степа хороший мальчик. Соседа зовут – Степа.

– Может быть, родственникам позвонить? – спросила Таня. – У вас есть родственники, Инна Ильинична?

– Не надо пока никому звонить, – отказалась женщина и попробовала пошутить: – Вот помру, тогда...

Подошел Юрий Васильевич, тихо встал позади Тани. Больная, заметив заведующего отделением, замолчала.

Юра подвинул Таню, присел на краешек кровати, ободряюще погладил женщину по руке.

– Все будет отлично! Скоро переведем вас в палату. Может быть, даже завтра.

Если завтра Инну переведут в палату, сегодня нужно собрать для нее все необходимое. А ключ от квартиры у соседа. Что делать, если он не придет ночевать?

Юра еще раз заверил, что с больной будет все в порядке, и вышел. Таня села на его место.

– Инна Ильинична, – спросила Таня. – Вы случайно не знаете телефон Степана?

– Случайно знаю, – улыбнулась она и продиктовала городской и мобильный номера.

Таня записала на салфетке, лежавшей на тумбочке у кровати. То, что Инна помнила номер городского телефона, было не удивительно, соседи жили рядом много лет. Удивительно, что помнила мобильный.

– Степин номер очень похож на мой, – прочитала женщина Танины мысли. Помолчала. – Очень заболело сердце. Я хотела отпереть дверь. Дверь у меня на щеколду запирается, случись что, никто не откроет. Больше ничего не помню.

– Вы открыли дверь, – сказала Таня. – Я нашла вас у открытой двери. Отдыхайте, Инна Ильинична.

Таня поднялась, ободряюще улыбнулась, вышла в коридор и почти сразу наткнулась на Юру.

– Слушай, – остановил он ее, беря за плечо.

За плечо он ее взял совсем не так, чтобы ей захотелось от него отодвинуться. Равнодушно взял, как любого из коллег. И взгляд был сосредоточенный, а не нежный, как обычно, когда он на нее смотрел. Впрочем, нежно он на нее смотрел, только когда никто не видел.

– Говоришь, хорошая была кардиограмма?

– Да, – удивилась Таня.

– Принеси. Я хочу посмотреть.

– Юра, у меня ее нет. Она где-то у Инны Ильиничны.

– Узнай, где кардиограмма, и покажи мне, – велел Юрий Васильевич тоном, не терпящим возражений.

– Тебя что-то смущает?

– Постарайся найти кардиограмму!

Странно, когда он старается быть рядом с ней каждую минуту, ей не нравится. А когда явно хочет свернуть разговор, не нравится еще больше.

Завотделением отправился по своим делам, Таня начала обход больных.

Передохнуть удалось только ближе к обеду. Таня накинула куртку, вышла на крыльцо больницы.

День выдался хмурый, серый. Не поймешь, то ли утро, то ли вечер. Дождя нет, и за то спасибо господу, постаралась найти позитивное Таня.

Очень хотелось тепла, солнца. Чтобы мягкими пушистыми пятнами пробивалась первая травка и в воздухе повеяло чем-то неуловимым, как бывает только весной.

Таня постояла на крыльце, вернулась в отделение.

Весна была в разгаре, когда она поняла, что вся ее жизнь сосредотачивается на встречах с Юрой. Еще ничего не было сказано, просто они иногда сталкивались в метро и шли вместе на работу, а иногда вместе шли к метро после работы. Еще они без конца сталкивались в отделении, он давал ей указания, она их выполняла.

Хорошее было время, радостное. Выходя с территории больницы, она мечтала, чтобы он догнал ее, и замедляла шаг, и знала точно, что он тоже ждет этой вечерней прогулки. И даже не сильно расстраивалась, если приходилось ехать домой одной. Завтра ждал новый день и новые встречи.

То время было гораздо лучше теперешнего, теперь она понимает, что ничего, кроме ненужной пошлой связи, из этого не выйдет. Сердцем понимает, умом она это и тогда понимала.

Таня опять заглянула к Инне Ильиничне. Женщина спала, Таня осторожно закрыла дверь, направилась в ординаторскую и позвонила соседу Степану.

Ключ в двери повернулся ровно в полдень, на кухне как раз зазвучали позывные новостей. Обычно Влада радио не слушала, это Егор любил новостные радиопередачи. Как будто от новостей что-то в жизни могло измениться. Влада сначала включила телик, но там шла такая мусть, что тошно делалось. Сидеть одной в тишине тоже было неприятно, и она включила радио.

– Егор! – отставив стакан с соком, выскочила в прихожую Влада. – Егор! Как я соскучилась!

Она сунула руки под расстегнутую куртку, прижалась к груди. Кашемировый шарф, который она подарила ему на День защитника отечества, приятно грел щеку.

– Привет. – Муж погладил ее по голове, легонько отодвинул, снял куртку.

«Слава богу, кажется, пронесло», – подумала Влада.

Когда он являлся после своих загулов, она всегда боялась, что Егор скажет жуткое – что полюбил другую, жить без нее не может, и она, Влада, может убираться из его квартиры.

Егору было с кого брать пример – с собственного папы.

Лицо у мужа было помятым, серым, смотреть противно.

– Как отдохнул? – Влада снова его обняла и на этот раз сама его отпустила.

– Нормально. – Он скинул ботинки, сунул ноги в тапочки. – Как Инна?

– Пока в реанимации. – Сегодня Влада в больницу не звонила, сказала наугад.

– Слушай, – он направился в ванную, Влада стала у открытой двери, прислонилась спиной к стене. – К ней, наверное, съездить надо.

– В реанимацию не пускают, – объяснила Влада. – Переведут из реанимации, съездим.

– Меня пустят, – усмехнулся Егор.

В этом Влада не сомневалась. Купюра из рук в руки может творить чудеса.

– Да, – вспомнила она. – Сегодня у Стасика день рождения. В восемь нужно в ресторане быть.

– Черт, забыл. – Егор выключил воду, вытер руки полотенцем. – Надо быть, значит, идем.

Стасик был их дачным соседом. Ничего особенного, работал в какой-то иностранной компании, получал, по меркам Егора, гроши. Влада знала, что Стасу много раз предлагали работать в Штатах, а он почему-то отказывался. Этого Влада никак понять не могла. Большие деньги хорошо делать в России, в другом месте их просто не сделаешь, а зарплату получать куда как лучше за границей. По крайней мере, зарплата там точно больше.

Наташа, жена Стаса, объясняла Владе, что хорошо бывает только в своей стране и нигде больше, потому что здесь все свое, а там все чужое. Влада поддакивала и послушно кивала, она не любила спорить и старалась никогда этого не делать, даже когда была не согласна с собеседником.

Подумаешь, чужое! Чужое со временем становится своим. Не стремились бы наши олигархи туда, где плохо.

Муж уселся за компьютер, принялся кому-то звонить, орать в трубку. Влада улеглась с планшетом на диван, сунула в уши наушники, стала слушать музыку.

Она не выяснила, есть ли сейчас у Степки девушка, а выяснить хотелось.

Наверное, она задремала, потому что Егоров крик – телефон возьми! – оглушил.

Вообще-то, мог бы и принести ей телефон. Влада неохотно поднялась, достала из сумки надрывающийся сотовый и поморщилась – звонила подруга Машка. А она почему-то решила, что это Степа.

Влада немного поболтала с подругой, опять принялась слушать музыку, изредка поглядывая на часы. Вечернее мероприятие было не из важных, но подготовиться стоило хорошо, Влада привыкла выглядеть самой неотразимой на любых мероприятиях. Да и Егор это любил. Ценил, когда его жене делали комплименты.

– Егор, ты обедать хочешь? – крикнула мужу Влада.

Еду она заказывала в ближайшем ресторане. Готовили там вкусно и разнообразно, мужу нравилось.

– Давай, – крикнул Егор.

Влада поднялась, отправилась разогревать аппетитно пахнущую еду.

Через минуту подошел Егор, сел за стол, взъерошил руками волосы. Волосы у него в последнее время редели, и он всерьез был этим обеспокоен. Брызгал на волосистую часть головы какой-то дрянью и подолгу рассматривал себя в зеркало.

– У нас ведь нет ключа от Инниной квартиры, – задумчиво проговорил он.

– Нет, – подтвердила Влада, подавая мужу тарелку с солянкой. Подумала и налила себе тоже. – Ключи у Степки. Он мне сказал, что запер Иннину дверь.

– Надо было забрать.

– Не догадалась.

Вообще-то, мысль забрать у Степы ключи у Влады была. Ключи должны быть у родственников, а не у соседа. Просто наличие у бывшего жениха теткиных ключей давало лишний повод с ним увидеться, а повод Влада хотела иметь.

Ее тянуло к Степе, несмотря на его грубость, и Владе не хотелось с этим бороться.

– Позвони ему! – велел Егор. – Телефон знаешь?

– Конечно, – пожалала Влада плечами. – Он же мне звонил вчера. Номер отпечатался.

Не рассказывать же Егору, что номер она вытребовала сама.

Звонить Степе при муже не хотелось, но Влада послушно набрала номер.

– Здравствуй, Степ, – быстро заговорила она в трубку. – Егор приехал. Мы хотим навесить Инну, дай нам, пожалуйста, ключи от квартиры.

– Зачем? – сухо спросила трубка.

– Но... – опешила Влада. – Инна – это тетя Егора.

– Скажет Инна Ильинична отдать, отдам.

Влада от удивления не знала, что сказать.

– Дай сюда. – Муж взял у нее телефон, поднес к уху.

– Здорово, Степ... Слушай... А... Ладно... Я тоже подъеду. Пока.

– Он отдаст ключи? – Влада еле дождалась, когда Егор отключит телефон.

– Там соседка, оказывается, в реанимации работает. Вечером должна для Инны вещи собрать. Надо подъехать, поприсутствовать.

– Егор, я не успею. – Влада прикинула время, времени было в обрез. – Мне нужно еще волосы уложить.

– Не успеешь, не надо. – Он отодвинул пустую тарелку. Влада вскочила, подала ему мясо. – Один съезжу. В ресторане встретимся.

Выходило даже к лучшему. Влада не хотела, чтобы Степа видел ее вместе с Егором.

Она встретится со Степой одна.

Влада дождалась, когда муж доест второе, сунула посуду в посудомойку, вышла на балкон, выкурила сигарету, стоя у приоткрытого окна.

Ее никто не любил так преданно, как Степа, и она сделает все, чтобы эту любовь вернуть. Человеку нужны не только деньги, человеку еще нужна чья-то настоящая искренняя любовь. Во всяком случае, ей нужна, Владе. Жаль, что она так поздно это поняла. Много времени прошло впустую.

Время, когда нужно было ехать домой, Дробышев чуть не пропустил. А ведь знал за собой такую особенность – погружаться в работу полностью и времени не замечать. Чертыхаясь про себя, выключил компьютеры, которые только что соединил в общую сеть, накинул куртку, лифта ждать не стал, сбежал по лестнице с десятого этажа.

Как назло, пробка у поворота сегодня растянулась длиннее обычного, и к семи, как договорились с соседкой, он опоздал.

Ничего страшного в этом не было, соседка ждала его в собственной квартире, а не на лестничной клетке и не на улице под дождем, но он чувствовал себя виноватым и за нелепое чувство вины ужасно на себя злился.

Когда днем на телефоне высветился незнакомый номер, Дробышев долго не решался отвечать. Был уверен, что звонит Влада, а разговаривать с Владой ему не хотелось. Вчера наговорился.

Удивительно, еще недавно ему казалось, что самое большое желание в его жизни – вернуть Владу. Он хорошо помнил, как весело и радостно жилось ему тогда, давно, когда она была рядом. И отлично знал, как скучно жить сейчас, без нее.

Но вчера с Владой ему было еще скучнее, чем без нее.

Он опоздал на семь минут.

– Извините, – покаялся Дробышев, когда соседка открыла дверь своей квартиры, и зачем-то постарался объяснить: – Пробки.

И разозлился еще больше. Получалось, что он не в состоянии рассчитать время на дорогу, а это Дробышев считал чем-то ненормальным, вроде слабоумия.

– Ничего страшного. – Соседка не улыбнулась, но ему показалось, что она над ним посмеивается.

Дробышев отпер свою квартиру, взял с тумбочки ключи от двери Инны. Соседка Татьяна терпеливо ждала у лифта.

– Я Татьяна Головина, – объяснила она ему днем, когда звонила насчет Инны. – Ваша соседка. Врач.

– Я вас узнал, – зачем-то соврал он.

Конечно, он ее не узнал. Он вообще о ней не помнил в тот момент.

Девушка рукой откинула волосы со лба, заправила прядку за ухо. Волосы у нее были красивые, светлые, небрежно сколотые на затылке.

Вчера он ее пожалел. Он позвонил к ней в дверь спросить про Инну, она открыла бледная, уставшая. Бесцветная какая-то после яркой Влады.

Влада стала еще красивее, не заметить этого Дробышев не мог. И вместе с тем отметил странное: раньше она казалась необычной, не такой, как все, принцессой из сказки, а теперь была просто красивой женщиной, одной из многих. На улице полно красивых женщин.

Дробышев подошел к двери старой соседки, сунул в замок ключ, вспомнил:

– Сейчас должен подъехать племянник Инны Ильиничны.

– Так может... – Татьяна мялась в дверях, вопросительно на него посмотрела, закусила губу. – Может, нам его подождать? Не входить?

Заходить в чужую квартиру ей явно не хотелось.

– Можно и подождать, – пожал плечами Дробышев. – Но зачем? Он лучше вас знает, что надо отнести его тетке?

Она вздохнула, вошла в квартиру, огляделась. Открыла один шкаф, другой, начала складывать в предусмотрительно захваченную целлофановую сумку какие-то вещи.

Дробышев равнодушно стоял за ее спиной.

Егор опаздывал.

Подоконник в комнате был уставлен горшками с растениями. Подоконники у них в доме были широкие, таких уже давно не делают. Растений на подоконнике поместилось много. Дробышев отправился на кухню, выбрал чашку побольше, налил в нее воды из крана, принялся поливать цветы.

Мама поливала цветы отстоявшейся водой, у Инны наверняка где-нибудь тоже стояла бутылка, но искать ее было лень. В конце концов, люди эту воду пьют и ничего, существуют. Пусть цветы тоже попьют, ничего с ними не сделается.

В комнате на маленьком столике у дивана стоял высокий коктейльный стакан с опущенной в него пластмассовой трубочкой. Стакан был почти пуст, только на дне виднелись сморщенные засохшие вишенки. Дробышев выбросил вишенки в мусорное ведро под мойкой, стакан сполоснул, сунул в сушилку.

Татьяна закончила собирать вещи, кивнула ему:

– Можно уходить.

Он напоследок обвел комнату глазами. Подумал, вернулся в кухню, перекрыл газ.

Снизу послышались голоса, кто-то даже закричал. Окно было рядом, и Дробышев посмотрел во двор.

Светлая машина, перегораживая проезд, стояла прямо у их подъезда. Около машины сустились люди.

– Что там? – спросила Татьяна, появившись за его спиной.

– Не понял.

Она наклонилась над подоконником, сунула ему сумку с вещами Инны и бросилась из квартиры. Он зачем-то побежал за ней. От удивления, наверное.

Таня не стала ждать лифта. Пронеслась по лестнице, раздвинула небольшую толпу.

– Я врач! Пропустите!

Но человеку в машине врачебная помощь не требовалась. У человека была разворочена половина головы.

– Сейчас полиция приедет, – сказал кто-то.

– Это Егор Кривицкий, – вздохнув, сообщил сосед Степан и зачем-то уточнил: – Егор Максимович Кривицкий.

Настроение у Влады было жутким, отвратительным.

– Нет... – говорил кому-то Егор, допивая чай на кухне. – Сегодня не смогу, занят. В другой раз. Пока, Цыпленок.

Влада как раз шла в ванную, когда он прощался с Цыпленком. Егор ее не видел, но понимал ведь, что она рядом. И даже не скрывал, что разговаривает с девкой. Как будто специально провоцировал жену. Впрочем, не исключено, что так и было.

Потом он все-таки начал говорить тише.

– Ну перестань. Перестань, – донеслось до Влады. – Все будет хорошо. Я тебе обещаю.

Это его «все будет хорошо», говорившееся какому-то Цыпленку, она слышала уже пару недель. Что будет хорошо? Он собирается жениться на Цыпленке?

Влада включила воду, постояла, глядя на себя в зеркало. Желание укладывать волосы пропало начисто. Она выключила воду, взяла щетку для волос, подправила пряди. И так сойдет. Волосы у нее роскошные, мало у кого такие.

– Поедешь со мной? – крикнул через дверь Егор. – Я сейчас к Инне.

– Не успею, – откликнулась Влада. – В ресторане встретимся. В восемь, не забудешь?

– На такси езжай! А я с Валеркой договорюсь, он нас на моей тачке домой отвезет.

Кто такой Валерка, Влада не помнила. Егор часто с кем-то договаривался. Чтобы отвезли домой. Чтобы купили выпивку. Чтобы сделали что-нибудь еще...

Она дождалась, когда хлопнет дверь, и только тогда вышла из ванной. Видеть мужа не было никаких сил.

К ресторану Влада подъехала с семиминутным опозданием. Свободное место нашлось прямо напротив двери, Влада поставила машину, выбралась, зашла внутрь. На такси она ездить не любила.

Гости еще не собрались. Это и понятно, сейчас в городе самые пробки. Лучше бы на час позже всех собрали.

Влада достала придуманный наспех подарок – фарфоровую статуэтку Иисуса, вручила имениннику. Статуэтку Влада с Егором привезли в прошлом году из Парижа. Вернее, статуэток привезли две, одну побольше, та Владе нравилась, и эту. Иметь две похожие статуэтки было глупо, и отдавать ее было ничуть не жалко.

Немного поболтала с женой именинника, но та все время отвлекалась, здоровалась с подходящими гостями. Владе стало скучно, она попросила в гардеробе шубку, вышла на улицу, закурила. Пожалуй, оделась она неправильно. То есть оделась она отлично, вишневое платье стоит дорого даже для Егора. Просто все остальные оказались одеты более чем скромно, и Влада чувствовала себя чужой. Впрочем, она и так чувствовала бы себя чужой. И хозяева, и гости были ей абсолютно неинтересны.

Поднялся сырой ветер, казалось, дул в лицо со всех сторон. Стоять было неприятно, Влада бросила сигарету в урну и увидела парня, которого виновник торжества обычно звал на все свои сборища. Имени парня Влада не помнила. Он работал в какой-то полугосударственной конторе и никакого интереса ни для Егора, ни тем более для Влады не представлял.

– Привет! – заметил ее парень. – Ты одна? А где муж?

– Сейчас подъедет.

Влада ласково улыбнулась, понимая, что больше всего хочет оказаться подальше отсюда. Ничего, кроме скуки, предстоящий вечер не обещал.

– Не женился? – Она взяла под руку неожиданного кавалера, заглянула в глаза.

– Не нашел такой, как ты, – засмеялся он, открывая дверь.

Степа позвонил, когда гости только сели за стол. Влада положила сумку на свободный стул рядом, поэтому и услышала сразу, что звонит мобильный.

– Да, Сте-опа, – удивилась она.

Влада не ожидала, что он позвонит. А еще меньше ожидала, что обрадуется, услышав его голос. Радость она, конечно, постаралась скрыть.

Влада слушала, и что-то менялось в ее лице, потому что за столом быстро установилась тишина.

Дальнейшее слилось в кошмар.

Очень скоро Степа появился собственной персоной, куда-то ее повез, она прижималась лбом к его плечу, как когда-то давно. Ей казалось, что она не может вырваться из кошмарного сна.

Странно, она давно не любила Егора и всерьез мечтала о совсем другом муже, но сейчас показалось, что без него она осталась одна в целом свете. Одинокaя и никому не нужная.

Потом с ней долго разговаривали участливые и вежливые парни в полицейской форме и в штатском, Влада отвечала на многочисленные вопросы и хотела, чтобы ее спрашивали, как можно дольше, потому что ей было страшно остаться одной.

Она вышла из дома минут за сорок до назначенной встречи в ресторане. Она не любит опаздывать...

Егор ушел минут за десять до этого...

Она приехала к ресторану ровно в восемь, одной из первых...

Нет, она не слышала, чтобы мужу кто-то угрожал...

Нет, он ничем не был встревожен. Он был такой, как всегда...

Она сидела с сухими глазами и послушно отвечала, а потом в какой-то момент заплакала и не могла остановиться.

– Я отвезу тебя домой, – предложил Степа, когда парни, кто в форме, кто без, куда-то исчезли.

– Отвези меня к моей машине, – попросила она. – К ресторану.

– Но...

– Отвези к машине! – повторила Влада.

На этот раз она не прижималась к его плечу. Она вообще о нем не думала.

У ресторана Степа предложил вести ее машину, но Влада отказалась.

– Я в порядке, – заверила она, положив руки на руль.

Она боялась, что Степа поедет за ней следом, но он почти сразу свернул направо.

Ей было необходимо остаться одной, но почему-то стало обидно.

17 марта, четверг

Убийца вновь и вновь проигрывал в своей памяти каждую секунду того трудного вечера и не мог найти ни одной своей ошибки. Он понимал – так не бывает, к тому же опасность могла исходить и от внешних случайностей. Но бог, по-видимому, помогал ему в этом далеко не богоугодном деле.

Тем не менее расслабляться было нельзя.

О том, что Юра просил показать кардиограмму, Таня, конечно, забыла.

Впрочем, Юрий Васильевич сегодня был озабочен совсем другим, в отделение поступили два очень тяжелых больных, ему теперь не до выздоравливающей Крутицкой.

Таня помогла Инне Ильиничне одеться, пообещала навещать ее в палате. С грустью смотрела, как женщина смущенно улыбается, глядя, как Таня около нее суетится.

Сказать Инне Ильиничне, что вчера убили ее племянника, Таня не смогла.

Инна и сама это очень скоро узнает, Таня вручила ей мобильный телефон и зарядное устройство.

Дурные вести доходят быстро, всегда утверждала мама.

Свободная минута выдалась только в обед. Как ни странно, ординаторская была пуста. Таня налила себе чаю, села за свой любимый стол у окна. Хлопнула дверь, она повернула голову. Юрий Васильевич устало опустился в кресло у стены, прикрыл глаза.

– Голова болит? – посочувствовала Таня.

Вообще-то, она думала, что он попытается ее обнять, и заранее приготовилась отвести его руки.

– У Петьки температура, – не открывая глаз, сказал он.

– Высокая?

– Тридцать семь и пять.

– Простудился?

– Воспаления легких бы не было! Надо было его послушать, но он спал, когда я уходил.

Не стал будить, пожалел.

– Ну почему сразу воспаление легких! Температура небольшая. Дети простужаются и болеют, это нормально.

– У тебя просто нет своих детей! – Юра резко поднялся и вышел.

Таня почему-то думала, что при этом он хлопнет дверью, но дверь закрылась тихо.

Пить чай расхотелось, Таня допила через силу.

«У тебя просто нет своих детей», – так же сказал он тогда, когда ей казалось, что в целом мире нет никого, кроме них двоих. Тогда заболел не Петька, а дочка Даша.

В тот вечер они, как обычно, дошли вместе до метро и, как обычно, доехали вместе до станции, где он делал пересадку. Он не вышел тогда из вагона. Стоял молча, ничего не объяснял, и Таня чувствовала, как под стук колес бешено колотится сердце. У нее никогда так не колотилось сердце, ни до, ни после.

У выхода из метро она замешкалась, остановилась.

– Я люблю тебя, – сказал он, беря ее за плечи. – Мне никто не нужен, кроме тебя.

Раньше он тоже много раз говорил ей это. Слышать такие слова было наслаждением, Таня даже рассказала о своем трепетном поклоннике подруге Варя.

– Конечно, ему больше никто не нужен, – хмыкнула Варя. – Ты молодая, красивая, зачем ему другую искать?

Варя была не права. Что-то связывало их с Юрой, что-то очень сильное, когда просто присутствие постороннего рядом меняло действительность.

Тане было хорошо рядом с ним, и о будущем она старалась не думать.

Они дошли до ее пятиэтажки и поднялись в квартиру, никого по дороге не встретив. Это было хорошо, потому что Юра никогда не снимал обручальное кольцо, а Тане не хотелось, чтобы это заметили соседи.

Он обнял ее прямо у захлопнувшейся двери, и она его обняла, и сначала даже не поняла, почему он внезапно отпустил.

Ему звонила жена.

Юра посмотрел на экран телефона, помедлил и ответил.

– У меня заболел ребенок, – через минуту объяснил он Тане.

– Я понимаю, – сказала Таня.

– Я не могу бросить своих детей, – мрачно заговорил он. – Понимаешь? Я никого никогда не любил так, как тебя, но я не могу бросить детей.

– Понимаю, – кивнула Таня.

– У тебя нет своих детей, и тебе трудно понять...

– Я понимаю...

Потом она смотрела из окна, как Юра скрывается за углом дома, и неожиданно почувствовала, как хорошо и правильно то, что сейчас произошло, вернее, то, чего не произошло.

Это лучшее, что могло с ней случиться.

Таня тогда выпила рюмку какого-то сладкого вина, которое оставалось от последнего приезда Вари, легла спать, сразу заснула и спокойно спала всю ночь.

Юра верный и надежный друг, и ничего другого ей от него не нужно.

Другое только все испортит.

В ординаторской появилась Ольга Петровна, тоже выпила чаю. Рассказала, как внучка вчера просила купить ей настоящую волшебную палочку. Тогда она сделает так, чтобы папа никогда не ходил на работу и всегда с ней играл. Посмеялись.

Потом Таня рассказала, что у них во дворе вчера застрелили человека. Посочувствовали родным и близким.

О том, что родным и близким является больная Крутицкая, Таня почему-то не сказала.

Ольга Петровна вышла, Таня принялась заполнять истории болезней.

Сосед Степан вчера решительно отодвинул ее от тела человека в машине, загородил собой и зачем-то обнял за плечи.

Это было глупо, поскольку она видела мертвецов побольше, чем он.

И потом, когда приехала полиция, он все время держался рядом и все время старался непонятно от чего ее оградить.

А когда решил поехать за женой убитого, проводил Таню до квартиры и посоветовал:

– Вы выпейте чего-нибудь.

– Чего? – не поняла Таня.

– Ну... Валерьянки какой-нибудь.

Ей стало смешно, но она не улыбнулась.

– Я кардиолог, – напомнила она соседу. – Я работаю в реанимации.

Он молча повернулся и пошел к лифту, а она заперла дверь.

Вспоминать, как вчера Степан топтался около нее, было весело и приятно, хотя Тане было очень жаль Инну Ильиничну.

В дверь заглянула медсестра, позвала Таню к новому больному. В окно светило солнце, и не верилось, что к вечеру должно резко похолодать. Во всяком случае, такой прогноз сообщили по радио.

Ночь Влада практически не спала. Приехав домой, в первую очередь сделала самое неприятное – позвонила свекрови. Вообще-то Влада боялась, что со свекровью случится обмо-

рок или что-нибудь в этом роде, но Елизавета Владимировна только молчала. Владе даже пришлось несколько раз спросить, слышит ли ее свекровь.

– Что? – повторяла Егорова мать. – Что?

Влада, как могла, рассказала, «что», и положила трубку. Думала, свекровь начнет перезванивать, но телефон молчал.

Ну и ладно. Хорошо, что не пришлось никого утешать. Свекровь несколько лет назад вышла замуж, пусть ее муж утешает. Владу бы кто-нибудь утешил.

Рассуждать так было жестоко, но и с Владой жизнь обходилась не слишком ласково.

Она легла в постель, поворочалась, встала и позвонила матери. Мама, в отличие от свекрови, заахала, заохала, а потом расплакалась.

– Приезжай, Владочка, – принялась уговаривать мама. – Приезжай, тебе сейчас нельзя оставаться одной. Хочешь, я приеду?

Этого Влада решительно не хотела. Ей действительно было сейчас плохо, ужасно, но едва ли от чьего-то присутствия станет лучше.

– Я хочу побыть одна, – твердо сказала она матери.

После разговора с матерью Влада ненадолго задремала, минут через сорок проснулась в полной темноте и потом не спала уже до утра.

Она мечтала о том, чтобы Егора не стало, уже несколько лет. Она была несчастной последние годы. Странно, но сейчас она казалась себе еще несчастнее.

«Это шок», – объясняла себе Влада. Она молодая, красивая, богатая женщина. Она недолго будет одна, у нее все впереди.

Влада уговаривала себя и плакала. Вставала, умывалась, снова ложилась и снова плакала.

Она успокоилась, когда решила, что утром позвонит Степе. Позвонит и попросит побыть с ней в тяжелую минуту. Он не откажет. Он всегда был жалостливым сверх меры, раньше Владу это здорово раздражало.

Однажды подобрал шелудивого кота. Кот лежал под деревом в сквере, где они любили гулять. Сквера давно уже нет, на его месте построили элитный дом.

Они гуляли. Шли, останавливались, целовались. И не заметили бы кота, если бы тот не зашипел.

– Что с тобой? – Степа присел на корточки, наклонился над пытающимся отползти животным.

Шерсть у кота была свалявшаяся, грязная.

– Не трогай его, у него может быть лишай, – предостерегла Влада.

Степа не послушал. Упрямый был.

– Да не бойся ты! – это он сказал не Владе, коту. – Покажи лапку.

Лапа у кота оказалась сломана. Но это они выяснили уже потом, когда Степа принес проклятое животное в ветлечебницу. Кот потом долго жил у Степкиных родителей, превратившись в огромного красавца. Характером, правда, обладал мерзким, никого, кроме Степы, не признавал, а Владу просто терпеть не мог. Кота приходилось запирасть, когда она приходила.

Господи, какие они тогда были глупые и смешные!

Влада еле дождалась семи утра и облегченно вздохнула, услышав Степин голос.

– Степа, пожалуйста, приезжай, – попросила она. – Мне тяжело одной. Помоги мне, у меня нет никого ближе тебя.

А ведь она сказала правду. У нее действительно нет никого ближе Степки. Подружки не в счет, они, конечно, пособолезнуют. Только сами при этом будут радоваться, что не их мужьям сейчас нужно похороны готовить. К тому же подружки если не знали точно, то догадывались, что Егор верным мужем не был. Влада, конечно, старалась это скрыть, но все друзья у них общие, и рассказы про похождения Егора наверняка ходили.

Она и сама всегда замечала нелады в чужой семейной жизни. И обсуждать это любила, как любая женщина.

А мужчин-друзей у Влады просто не было. Тут она себя вела осторожно, старалась не давать Егору ни малейшего повода для ревности.

Влада была уверена, что Степа примчится немедленно, и совершенно растерялась, когда услышала:

– Извини, не могу. Мне нужно обязательно быть на работе.

– На работе? – не поняла Влада. – Но... у тебя погиб друг!

Егор не был ему другом, но это неважно.

– Извини, не смогу, – повторил он.

Она, конечно, выпытала – в фирме на сегодня назначена какая-то презентация, и раньше пяти Степа не освободится, и тогда попросила:

– Позвони, когда сможешь. Ты мне очень нужен.

Если он не изменился за прошедшие годы, обязательно позвонит. Или Влада позвонит ему сама.

Влада наполнила ванну, легла в горячей воде. От бессонной ночи знобило. Ей очень хотелось, чтобы Степа позвонил. Как будто от этого звонка зависело главное в ее жизни.

Телефон она услышала, когда заворачивалась в халат, и побежала к нему только потому, что это мог быть Степа. Но оказалось, что звонили из полиции. Зачем-то им опять понадобилось с ней поговорить. Влада не возражала.

Парни из полиции приехали через час. Она успела уложить волосы и слегка подкрасила ресницы. От недосыпа под глазами лежали темные полукружья. Она выглядела как классическая вдова.

Влада надела черную водолазку и черные мягкие брюки. Подумала и поменяла водолазку на серую. Быть дома полностью в черном показалось некоторой фальшью. Все-таки она еще не на отпевании.

Полицейских было двое. Одного она помнила, вчера он задавал ей какие-то вопросы. Второй показался незнакомым.

Влада предложила парням чаю, полицейские отказались.

Тот, которого она узнала, опять стал расспрашивать про знакомых Егора, про бизнес, спрашивать еще какую-то ерунду. Второй походил по квартире, открыл Егоров ноутбук.

Влада хотела сказать, что к компьютеру муж почти не подходил, всю переписку вел по телефону, но промолчала. Пусть делают что хотят.

Она сказала главное. Все равно они узнают правду. Так пусть узнают от нее.

– Знаете... – замялась Влада. – У нас с Егором были сложные отношения. Мы очень любили друг друга, но... Егор любил ухаживать за женщинами. Понимаете... Есть такие мужчины, которых не переделать.

Влада помолчала. Парень напротив внимательно слушал.

– Конечно, мне это было неприятно, – продолжила Влада. – Но мы никогда не собирались ломать наш брак.

– Почему? – серьезно спросил полицейский. – Вы молодая красивая женщина...

– Я любила Егора. – Влада сцепила пальцы, как будто они замерзли. – Я бы никогда не поменяла его ни на кого другого. А для него я была хорошей женой. Я его устраивала, понимаете?

Она действительно устраивала Егора. Она была красивой, со вкусом одевалась, умела поддержать любой разговор. Ему было не стыдно ее показывать.

– И потом... Знаете, Егор меня очень любил. По-своему. Несмотря на всех своих девок. Это трудно объяснить, но это так...

Вряд ли полицейские что-то поняли, но согласно кивнули.

Потом ее опять спрашивали, на этот раз про Егоров пистолет. Про пистолет Влада мало что могла рассказать. Пистолет у мужа был, а было ли на него разрешение, она понятия не имеет. И самого пистолета в последние годы она не видела. Возможно, Егор держал его на даче, в квартире оружия точно не было.

Наконец полицейские ушли. Влада включила негромкую музыку, прилегла на диван и незаметно задремала.

Телефон Дробышев включил, когда приехавшие в фирму иностранные гости вместе с начальством отправились не то обедать, не то ужинать. Его тоже позвали, но он незаметно отошел в сторону и сумел мероприятие пропустить.

Таких посиделок он терпеть не мог. О деле говорить уже не станут, каждая сторона взяла тайм-аут на размышления, а просто так выпивать с незнакомыми мужиками ему было неинтересно.

Пропущенных звонков было много. Несколько от Влады и несколько от соседки Татьяны. Владе он перезванивать не стал, а соседку набрал немедленно.

– Как хорошо, что вы позвонили, – с облегчением выдохнула Татьяна. – Инна Ильинична решила выписываться, а отпускать ее одну я боюсь. Настоящего инфаркта не было, но все-таки... И ключи от ее квартиры у вас. Вы сможете отвезти ее домой?

– Смогу, – кивнул Дробышев и, помолчав, спросил: – Вы сказали?..

– Нет.

– А кто? – зачем-то спросил он.

– Не знаю. Я зашла к ней часа два назад, она уже знала. Кто-нибудь из родственников, наверное, звонил.

– Я приеду, как только смогу, – пообещал Дробышев.

Вероятность, что гости решат опять вернуться к обсуждению технических проблем и захотят вновь посмотреть работающее оборудование, была равна нулю, но Дробышев строго-настрого велел своим ребятам не расходиться, пока иностранцы не уедут. Ребята были надежные. От бездельников Дробышев избавлялся немедленно и своим помощникам доверял.

До больницы он доехал быстро, пробка у поворота сегодня не была катастрофической. Думал он при этом почему-то о том, что они с Татьяной обеспечили друг другу надежное алиби. Когда он вчера вошел в подъезд, машины Егора еще не было, а потом они с соседкой все время находились на глазах друг у друга. Конечно, едва ли кому-то придет в голову его подозревать, но все-таки...

У Влады тоже есть алиби. Он слышал, как она разговаривала с ментами, и понял, что в восемь она была уже у ресторана. По пустой Москве от места убийства до ресторана доехать можно запросто, а вечером по пробкам – сомнительно. То есть не сомнительно, а просто невозможно. Даже у их проклятого поворота в сторону центра обязательно нужно простоять не меньше десяти минут. И это еще если повезет.

На территорию больницы его пропустили не сразу. Пришлось снова звонить Татьяне. Наконец охранник поднял шлагбаум, и Дробышев сумел подъехать к кардиологическому корпусу.

Инна Ильинична, бледная, сосредоточенная, ждала его в больничном коридоре, держа на коленях целлофановую сумку с какими-то пожитками. То ли женщина постарела за прошедшие несколько дней, то ли и раньше была такой старой, только он этого не замечал.

Она не плакала. Слабо ему улыбнулась, дошла до машины, держа его под руку.

Что в таких случаях говорят, Дробышев не знал и поэтому молчал всю дорогу.

– Степа, помоги мне включить ноутбук, – попросила Инна, когда он вручил ей ключи от квартиры.

Небольшой ноутбук лежал на книжной полке.

– Зарядка к нему есть? – уточнил Дробышев. Ноутбук был покрыт тонким слоем пыли, его явно давно не включали.

Женщина достала откуда-то снизу зарядное устройство, протянула ему.

Компьютер включился и заработал сразу.

– Что-нибудь еще нужно? – поинтересовался он. – Может, в магазин сходить?

– Спасибо, Степа, не надо, – отказалась Инна Ильинична. – У меня все есть.

Он видел, ей не терпелось сесть за ноутбук. Дробышев слегка удивился, но это было не его дело.

Он попрощался и отправился к себе.

Соседка не рыдала, но Дробышеву было безумно ее жаль.

Он не интересовался и не знал, как она живет в последние годы. Раньше Инна любила гостей. У нее собирались занятные компании. Родителей соседка тоже обычно приглашала, и его приглашала, но он ходил в гости редко. У него была своя жизнь.

В последний раз, когда Дробышев был у Инны на таких посиделках, там присутствовали Максим Ильич и историк, имени которого он сейчас не помнил. Дядька был интересный, в последнее время вел какую-то историческую рубрику на одном из телеканалов. Дробышев телевизора не смотрел, мама рассказывала.

Теперьшний телеведущий был убежденным монархистом. В тот раз он с искренним переживанием долго рассказывал о святом Николае II. Впрочем, возможно, последний монарх тогда еще не был объявлен святым, Дробышев точно не помнил.

Историк очень переживал за Николая Второго и за провал белого сопротивления и страшно возмущался, что из московских названий до сих пор не убрали фамилии детоубийц.

– Ужасная смерть, чудовищная, – робко возразила мама, не выдержав. – Но все-таки Николай – первый, с кого нужно спросить за то, что случилось с Россией.

– Страна скатывалась в кровавую мясорубку, а он удачно стрелял ворон, – напомнил папа.

О том, что у самодержца было такое пристрастие – стрелять ворон, историк не знать не мог, это даже Степан знал.

Дядька был возмущен и с печалью смотрел на родителей, даже возражать не стал, только морщился.

Дома мама долго не могла успокоиться и все вспоминала, что в Гражданскую войну детей пашками рубили, но их почему-то святыми не объявляют.

Впрочем, потом историк родителей простил, и сейчас они даже иногда перезванивались.

Дробышев вскипятил воду, бросил в нее пельмени, когда приготовились, сжевал без аппетита. Ехать к Владе совершенно не хотелось. Он даже подумал, не выключить ли снова телефон, но все-таки решил трусливого поступка не совершать.

Она позвонила сама минут через пятнадцать.

– Извини, – нашел он отличный способ отказаться от встречи. – Инна Ильинична выпи-салась из больницы, ей может что-то понадобится. Мне бы не хотелось уходить из дома.

Потом он со спокойной совестью нашел старый томик фантастики и улегся на диван.

Владе звонили весь день. Она даже не предполагала, что какая-то новость может распространиться так быстро. Конечно, у Егора было много знакомых, соратников по бизнесу и по тусовкам, но количество звонков все равно удивило. Ей выражали соболезнования, она тихо отвечала.

Взять на себя хлопоты с похоронами предложили сразу несколько человек. Но это все-таки стоило согласовать со свекровью, и Влада, поблагодарив, пообещала позвонить, когда ситуация прояснится.

Без конца звонила мама, настойчиво предлагала приехать, пока Влада в конце концов на нее не наорала.

Ей хотелось видеть только одного человека – Степу.

Он один казался ей сейчас надежной опорой.

Степа, о котором она, несмотря ни на что, постоянно вспоминала все эти годы.

С ним ей было по-настоящему хорошо, спокойно. На третьем курсе она чуть не вылетела из института. Никак не могла сдать два «хвоста», казалось, что отчисления не миновать, и она холодела от ужаса. Теперь понимала, что ничего ужасного не случилось бы. Свой институтский диплом она так ни разу никуда и не отнесла.

Но тогда переживала страшно. Не столько за себя, сколько за мать, мама считала своим священным долгом дотянуть ее до диплома, и Влада всерьез опасалась, что у нее случится инфаркт.

Степа приехал, и еще до того, как он начал отчитывать ее за панику, она поняла, что все ее проблемы – сущая ерунда. В любой ситуации надо искать выход, и в самом страшном случае она восстановится через год. Или вообще поступит в другой вуз. Со Степой она была не одна и для нее не существовало неразрешимых проблем.

«Хвосты» Влада пересдала на четверки. Счастливо завершившийся кошмар они отметили в летнем кафе, а потом сидели в парке под распутившейся липой, и она знала, что для него на свете нет ничего важнее ее.

Воспоминания о Степе только и скрашивали тоску потерянных в институте лет.

Вообще-то, теперь Влада жалела, что даже не пыталась работать. С помощью свекра могла бы сейчас занимать какую-нибудь неплохую должность в неплохой корпорации. Конечно, Егоровых денег ни в какой корпорации не получишь, если не являешься генеральным директором, но и без копейки, как она сейчас, не осталась бы.

Или бизнесом можно было заняться. Но Егор денег бы не дал, он в ее способности делать деньги не верил и вообще считал, что баба годится только для одного – ублажать мужиков. Одиноких женщин он откровенно презирал. Впрочем, для одного человека делал исключение – для тетки. Инну Егор любил, хотя она и не вышла замуж после смерти мужа, а муж умер у нее давным-давно. Впрочем, тетку Егор любил ровно настолько, насколько вообще мог любить кого-то, кроме себя.

А вот свекор бы деньги Владе дал. Свекор был единственным человеком, который хотел, чтобы у Влады с Егором был хороший крепкий брак. Наверное, к концу жизни понял, что крепкий тыл надо иметь. Егор-то считал, что самый крепкий тыл – деньги. Вообще-то, и Влада так считала, в этом они с Егором были похожи.

Они во многом были похожи с Егором, наверное, поэтому и прожили вместе много лет. Жалеть нужно только себя, как-то сказал Егор. Влада тоже так считала, но тогда она Егору возражала. Он тогда подминал под себя фирму школьного друга Илюши Мансурова, и Влада Илью жалела. У Мансурова было двое детей, и вроде бы ожидали третьего. То есть она понимала, что муж действует правильно, и сама поступила бы точно так же, просто к тому времени привыкла не говорить того, что думает.

Захотелось есть. Влада подумала, позвонила в ресторан, заказала обед.

Потом в очередной раз позвонила Степе, телефон опять оказался выключенным.

Курьер принес еду, она с удовольствием пообедала и села за туалетный столик, внимательно рассматривая себя в зеркале. Нанесла немного коричневых теней, совсем чуть-чуть, как раз столько, чтобы выглядеть утомленной. Подкрасила ресницы и долго подбирала помаду. В конце концов остановилась на матовой, почти телесного цвета.

Макияж получился отличным. На нее смотрела бледная печальная вдова, только очень красивая.

Когда наконец дозвонилась Степе, и он сказал, что не приедет, Влада заставила себя не расстраиваться. Надела черную водолазку и черные брюки, накинула куртку, заперла квартиру и спустилась к машине.

К Инне во двор заезжать не стала, приткнулась на улице, заметив свободное место. Вошла в подъезд и поднялась к квартире, в которой когда-то бывала сотни раз. Даже, наверное, тысячи.

– Как хорошо, что ты дома, – с облегчением вздохнула она, когда Степа открыл дверь. – Хочу навестить Инну, но одной как-то боязно. Вдруг ей опять стало плохо, что я буду делать одна?

– Я никуда не собираюсь. – Он не сделал попытки впустить ее в квартиру. – Если что, звони, я здесь.

– Пойдем со мной, – попросила она. – Пойдем, ну Степа-опа!

Много лет назад ей не приходилось просить его дважды. Много лет назад его вообще редко приходилось просить, он умел угадывать ее желания и всегда старался их исполнить.

– Я дома и никуда не уйду.

Он все время смотрел мимо нее, Владе опять не удавалось поймать его взгляд.

Все шло не так, стало тошно, противно. Влада грустно вздохнула и пошла к двери Егоровой тетки. Зашумел лифт, из открывшихся дверей появилась девица, равнодушно посмотрела на Владу, потом на стоявшего в дверях квартиры Степу.

Влада напряглась, чувствуя, как бешено заколотилось сердце, но девка шагнула не к его двери, а к третьей на этаже.

– Вы к Инне зайдете? – спросил Степа, глядя на девицу.

– Обязательно, – кивнула она.

– Если нужно в аптеку сходить, скажите.

– Хорошо.

Они разговаривали так, как будто Влады здесь не было. Как будто их связывала совместная забота об Инне, а Влада здесь никто. Это было обидно и несправедливо, но Влада постаралась подавить обиду.

Степа закрыл за собой дверь, девка тоже. Влада нажала на кнопку звонка.

Инна шла к двери долго, но второй раз звонить Влада не стала, а когда тетка, наконец, открыла, обняла старуху и тихо заплакала.

Юра разыскал ее, когда Таня переодевалась после тяжелого дежурства.

– Как Петя? – спросила она.

– Нормально. Температура нормальная.

Юра подошел, глядя, как она надевает ботинки и куртку.

– Все равно надо послушать.

– Конечно. Подожди, – остановил он ее, не дав взять сумку. Оглянувшись на дверь и тихо сказал: – Пойдем к тебе.

– Нет! – быстро ответила Таня.

– Ты меня не пускаешь, потому что у тебя кто-то есть?

Он наклонился над ней, взгляд был усталый, измученный.

– Я тебя не пускаю, потому что у тебя кто-то есть, – объяснила Таня.

Он злился на нее. Он очень устал, у него не было сил выяснять отношения, хотелось просто отдохнуть и побыть с ней, потому что с ней ему было легко и не утомительно. Так же, как и ей с ним.

– Тебе нравится меня мучить?

– Юр, ну кто кого мучает? – поморщилась Таня. – У тебя есть семья, ты туда спешишь, ты живешь ее проблемами. А я не хочу жить от встречи до встречи. Ты мне это предлагаешь?

– Тань, мне плохо без тебя.

Она понимала: он не врет. А еще она понимала, что никогда не сможет быть счастливой, если станет его любовницей.

Она живой человек, и ей хотелось своего счастья. Своего мужа, своих детей, и чтобы отец этих детей пугался до полусмерти, когда они заболевают.

– Юра, пожалуйста, не говори больше об этом. Считаю, что я собственница и быть просто любовницей не могу. Я не хочу ни с кем делить своего мужчину.

– Таня!..

– Юра, это невозможно!

– Я не могу бросить детей! Ну пойми ты!

– Знаю. И не хочу, чтобы ты их бросал. Я себе этого никогда бы не простила.

– Тань, – устало вздохнул он. – Что нам делать?

– Ничего не делать, – сказала Таня, потянувшись к сумке. Юра мешал ей пройти к двери, и она его обошла. Остановилась и посмотрела на него. – Наша жизнь могла сложиться по-другому, но она сложилась так, как сложилась.

– Просто ты меня не любишь, – тихо сказал он ей вслед.

Таня не ответила.

Полгода назад ей казалось, что она его любит. Очень любит. Любовь прошла, когда он ушел из ее квартиры к своему больному ребенку.

Он ушел, и она поняла, что это самое лучшее, что могло произойти. Лучше быть одной, чем делить его с кем-то.

Или это все-таки была не любовь?..

Вечер выдался по-настоящему весенний, теплый. Только слабый ветер дул в лицо. Обещали похолодание, но в это верить не хотелось.

Сосед Степан разговаривал, стоя у своей двери, с высокой красивой девушкой. Девушка смерила Таню равнодушным и брезгливым взглядом. Такой взгляд бывает у манекенщиц, демонстрирующих за пределами дорожную одежду. Манекенщицы смотрят вдаль, словно все, что поблизости, до смерти им надоело и совершенно недостойно их внимания.

Девушка звонила в квартиру Инны, и это поменяло Танины планы. Она устала за смену. Хотелось поскорее зайти к соседке, убедиться, что с той все в порядке, а потом спокойно поужинать, принять ванну, почитать в постели.

Таня выпила чаю, попробовала посмотреть телевизор, но смотреть было нечего. Время подходило к девяти, дольше тянуть не стоило, и Таня позвонила соседке.

– Инна Ильинична, давайте я вас посмотрю.

– Спасибо, Танечка, – согласилась она. – Спасибо. Приходи.

Звонить не пришлось, Инна уже отпирала дверь. Высокая красавица стояла рядом, слегка подвинулась, когда Таня вошла в квартиру.

– Простите, сколько мы вам будем должны? – шепотом спросила девушка Таню.

– В каком смысле? – удивилась Таня и сразу поняла, улыбнулась. – Спасибо, но для Инны Ильиничны врачебные услуги бесплатны.

– Извини, Влада, я устала, – сказала девушке Инна.

Красавица Влада помедлила, ей явно не хотелось уходить, но все-таки потянулась за висевшим на вешалке пальто, грустно кивнула, простилась. Хозяйка заперла за ней дверь.

Состояние Инны было вполне приемлемым, Таня ожидала худшего. Особенно учитывая недавний сердечный приступ.

Она просмотрела аптечку, кое-какие препараты следовало купить. Пообещала соседке принести через полчаса лекарства.

Вернулась к себе, оделась, сунула в карман ключи. Зазвонил телефон, она ответила соседу Степану.

- Нужно что-нибудь купить? – сразу спросил он.
- Нужно, – кивнула Таня, словно он мог ее видеть. – Я сейчас схожу в аптеку.
- Я схожу, – возразил Степан. – Скажите, что купить.
- Идти надо мне, – объяснила Таня. – Чего-то может не оказаться, я должна подумать, что взять взамен.

– Тогда я вас провожу, поздно уже, – твердо сказал он и отключился, даже не спросив, когда Таня собирается выйти.

Опять позвонили в дверь. Дробышев отложил планшет, который использовал как электронную книгу, нехотя поднялся с дивана, распахнул дверь.

- У Инны врач, – объяснила Влада и робко спросила: – Я подожду у тебя?
- Чего подождешь? – Он сделал вид, что не понял.
- Мне надо знать, что врач скажет, – удивилась Влада.

Она таращила глаза, когда удивлялась. Когда-то это его умиляло.

Дробышеву не хотелось пускать ее в квартиру. Он даже почему-то этого боялся.

– Степа... – Она посмотрела на него и отвернулась. – Если ты возражаешь, я подожду в машине.

- Я не возражаю, – пожал он плечами и посторонился. – Проходи.

Влада прошла на кухню. Села за стол, в уголок. Подумала и попросила:

- Сделай мне чаю, если тебе не трудно.

Дробышеву было не трудно, он включил электрический чайник, поставил перед неожиданной гостьей несколько пачек с чаем – выбирай. Влада выбрала какой-то чай с добавками, который Степан ни разу не пробовал. Чай покупала мама и его, по-хорошему, давно надо было выбросить.

Он нашел на полке заварной чайник, которым из-за лени не пользовался, предпочитая заваривать чай в кружке. Заварил, налил Владе и себе. Чай оказался вкусным, он даже не ожидал.

Влада погрела о чашку пальцы и печально посмотрела на него из-под полуопущенных век.

- Как ты живешь, Степа?
- Ты уже спрашивала. Нормально.
- Знаешь... я все время о тебе думаю, – призналась Влада.

Он нахмурился, словно пытаясь что-то вспомнить, отправился куда-то в глубь квартиры и вернулся, прижимая телефон к уху.

Собирается идти с соседкой в аптеку, поняла Влада.

- Врач уже ушла, – доложил Дробышев Владе.

– Тебе хочется от меня поскорее избавиться? – тяжело вздохнула она. – Так ты скажи, я уйду.

- Мне нужно выйти сейчас. – Он никак не хотел встречаться с ней глазами. – Извини.

Влада молча поднялась, вышла в прихожую, надела пальто. Пальто он ей не подал, раньше такое было невозможно. Влада подождала, когда он переобуется и оденется, сама отперла дверь. Ей было тоскливо и хотелось то ли разрыдаться, то ли швырнуть чем-нибудь в стену.

Они вышли одновременно с соседкой Татьяной.

Большого дела до соседки Дробышеву не было, но неожиданно он испугался, что Влада сейчас Татьяну чем-то обидит, и ему захотелось соседку защитить.

- Мне бы хотелось все-таки вам заплатить, – грустно обратилась к Татьяне Влада.

– Я не занимаюсь частной практикой, – сухо ответила Таня. Она как-то терялась при Владе, и Дробышеву было ее жалко.

Влада пожала плечами и отвернулась. Она не заслужила такой грубости. Она просто хотела заплатить за труд. Все же знают, что врачи получают мало.

Больше всего Дробышеву хотелось запереться от них обеих, но он молча шагнул в лифт, нажал кнопку первого этажа.

На улице Влада взяла его под руку, показала головой на детскую площадку во дворе.

– Как здесь все изменилось! Да, Сте-оп?

Он осторожно высвободил руку, сунул ее в карман.

– Помнишь, раньше здесь стояли качели?..

Дробышев кивнул – помню.

– А здесь стоял киоск с мороженым...

Влада говорила, они с Татьяной шли молча.

В аптеке Татьяна поговорила о чем-то с фармацевтами, расплатилась банковской картой, взяла пакет с лекарствами.

На обратном пути Влада не пыталась взять его за руку. Наверное, зря всегда он считал ее глупенькой, она отлично понимает, что и когда делать.

Когда лифт высадил их на этаже, Дробышев быстро кивнул обеим дамам и спрятался за своей дверью.

Он бы, наверное, даже не открыл, если бы Влада снова к нему сунулась, но в этот вечер к нему в дверь больше никто не позвонил.

18 марта, пятница

Красивая подружка соседа настолько испортила настроение, что даже утром было противно вспоминать вчерашний вечер. И это казалось странным, потому что ничего особенно обидного красавица ей не сказала. Разве что принялась звать ее милой, когда они вновь очутились у Инны Ильиничны.

– Милая, положите лекарства на столик, – ласково попросила Влада, заметив, что Таня стоит в прихожей с аптечным пластиковым пакетом в руках.

– Инна Ильинична... – Стараясь не замечать Владу, Таня объяснила, какие лекарства как нужно принимать. Что до еды, что после.

– Если мы что-то забудем, вам можно позвонить, милая? – еще ласковее спросила Влада.

– Можно, – кивнула Таня и мстительно обрадовалась, когда Инна Ильинична решительно сказала гостье:

– Влада, извини, я устала.

Красавица понимающе кивнула, поцеловала старую женщину и ушла наконец-то.

– Раздевайся, Танечка, – предложила соседка. – Я тебе ужин могу приготовить. Ты ведь голодная, наверное.

– Нет, спасибо, Инна Ильинична, – отказалась Таня. – Не надо, я пойду домой. А вы старайтесь не утомляться.

Инне Ильиничне не хотелось, чтобы Таня уходила. Она хотела с ней поговорить, но Таня слишком устала за длинный нелегкий день и этого не заметила.

Будить соседку утром Таня поостереглась. Лучшего лекарства, чем сон, ни природа, ни человечество еще не придумали, и заходить к Инне до работы она не стала.

Сегодня все выглядели озабоченными и хмурыми. Юра сухо кивнул и отвернулся, залился на нее за вчерашнее. Ольга Петровна о чем-то устало и сосредоточенно думала, глядя припухшими глазами в выкрашенную бежевой краской стену ординаторской.

– Что-то случилось, Ольга Петровна? – спросила Таня.

– Зять с работы могут уволить, – вздохнула женщина. Подняла на Таню глаза и тихо заплакала. – Что мы тогда будем делать, не представляю.

Таня старому врачу сочувствовала. Сочувствовала и злилась на нее одновременно. Всю свою зарплату Ольга Петровна отдавала в семью дочери. У дочери был муж, сын-школьник и пятилетняя дочь. Отдавать ребенка в сад дочь не хотела, сидела дома, не работала. Зять же пристроился где-то охранником и получал зарплату, на которую четыре человека существовать просто не могли.

– А он ищет работу? – осторожно поинтересовалась Таня.

Ей не хотелось обижать женщину. Когда-то она пыталась доказать Ольге Петровне, что, отдавая последнее двум здоровым людям, считающим возможным брать деньги у старой матери, она всем приносит только вред, и им в первую очередь. Не было бы тещиных подачек, зятю пришлось бы хоть чуть-чуть пошевелиться, чтобы обеспечить семью.

Разговоры были бессмысленны. Ольга Петровна расстраивалась и обижалась на Таню.

– Сейчас работу найти трудно.

– Тем более надо искать, – вырвалось у Тани.

– Думаешь, найдет? – с надеждой спросила старый доктор.

– Будет искать, найдет. Они в Москве живут, а не в сибирском городке, где, кроме неработающего завода, на сто верст ничего нет.

– Он хочет точно узнать, уволят или нет. А тогда уж искать будет.

Таня промолчала. Можно, конечно, и так жить. Бояться, что потеряешь работу, и ничего при этом не делать. Теща прокормит.

Однажды Таня даже чуть не ляпнула, что не нужно было детей заводить, если не желают вкалывать, чтобы их вырастить, но вовремя замолчала.

Заглянула медсестра, позвала Таню к больному. Рабочий день начался.

Влада проснулась рано, поворочалась, поняла, что не заснет. Нехотя встала, выпила сока из холодильника, разбавив его капелькой кипятка. Знала, что холодное пить вредно.

Хотела сделать гимнастику, но поленилась. Позвонила Степе, потому что очень этого хотелось. Он не ответил, но Влада не позволила себе расстроиться. Если расстраиваться из-за всякого пустяка, ничего не достигнешь.

Прилегла с книжкой и задремала.

Разбудил ее звонок городского телефона. Почему-то она была уверена, что это свекровь, и не сразу поняла, что звонит Костя Савельев, генеральный директор самой большой фирмы, почти стопроцентно принадлежавшей Егору.

– Владислава...

– Влада, – мягко поправила она. – Здравствуйте, Костя.

Косте было лет тридцать пять, и по мнению Егора, он был совершеннейшим дурачком. Муж забавлялся, ставя перед Костей практически невыполнимые задачи. Правда, в последнее время Костя ставил Егора в тупик, потому что с невыполнимыми на первый взгляд задачами странным образом справлялся.

– Влада, какая-нибудь помощь нужна?

Влада представления не имела, что и как планирует свекровь насчет похорон. Нужно было вчера позвонить, но она приехала от Инны поздно и сразу легла спать.

– Помощь потребуется, – согласилась Влада. – Я вам позвоню. Мы сейчас сами понимаете в каком состоянии.

Похороны нужно взять на себя, решила Влада. Она главная пострадавшая во всем этом и должна играть главную роль.

Савельев помялся и неохотно заговорил о том, что срочно нужно принимать некие важные решения, и ему хотелось бы знать мнение будущих акционеров.

– Я целиком на вас полагаюсь, Костя, – перебила Влада. – Как считаете нужным, так и делайте.

Она положила трубку и подумала, что ей будет необходим человек, который станет заниматься ее делами. В смысле, делами фирмы. На первое время подойдет Константин, а там видно будет. Возможно, на эту роль подойдет Степа.

Это был бы отличный вариант. Степа станет заниматься ее делами, а она постарается вернуть их любовь.

Влада подумала и решила не звонить свекрови, а съездить к ней. Получилось хорошо. Влада обняла ее прямо в дверях и заплакала, и свекровь ее обняла. Держалась свекровь спокойно и разговаривала спокойно, только из глаз все время текли слезы. Владе стало ее по-настоящему жалко.

Она и раньше жалела свекровь. Даже несмотря на то, что та Владу недолюбливала. Конечно, свекровь всегда старалась быть любезной, но Влада неприязнь чувствовала. Ладно, бог с ней, это на ее совести.

Свекор бросил первую жену, когда Егору было лет семь. То есть не совсем бросил, деньгами помогал и к сыну по выходным приезжал. Обычно в таких ситуациях дети становятся на сторону матери, но тут получилось все иначе. Егор мать не уважал, во всем старался быть похожим на отца. Впрочем, возможно, и гены свою роль сыграли, Егор был копией старшего Кривицкого.

Влада посидела у свекрови недолго, с полчаса. Дольше утомлять сломленную горем женщину было ни к чему. Да, если честно, и самой надоело.

На улице заметно похолодало. Резкий ветер срывал с головы капюшон, пока шла к машине.

Ехать домой и сидеть там в одиночестве не хотелось. Изображать скорбь перед подружками тем более не хотелось. Влада подумала и поехала в фирму.

В фирме она была всего несколько раз. Заезжала за Егором перед вечерними тусовками. Егор же ездил туда постоянно, как будто был не хозяином, а наемным программистом. Оборудовал себе кабинет и проводил в нем целые дни.

Этого его пристрастия Влада не понимала. Фирма занималась разработкой программного обеспечения, в котором Егор разбирался не лучше Влады. Собственно, эту фирму Егор создал на основе отобранной у школьного приятеля Ильи Мансурова. Создать собственный интеллектуальный бизнес с нуля Егор никогда бы не смог. Это даже Влада понимала.

Что-то связанное с Ильей на секунду заставило Владу напрячься. Что-то неприятное, опасное мелькнуло на краешке сознания. Влада попыталась уловить мысль, но не смогла.

Фирма занимала этаж офисного здания, принадлежащего некой полугосударственной конторе. В конторе в основном работали тетки пенсионного возраста, даже смотреть на которых Владе было тошно. Хотя само здание и внутри и снаружи выглядело вполне прилично. Во всяком случае, чистенько и аккуратно.

Влада остановилась у въезда на служебную стоянку, позвонила Савельеву. Через минуту шлагбаум, преграждающий путь, поднялся, охранник из будки замахал ей руками. Влада проехала на асфальтированную площадку, поставила машину, через раздвижные двери вошла в здание.

Савельев ее уже ждал. Попросил паспорт, куда-то отошел, вернулся, и Влада вместе с ним подошла к лифтам.

– Костя, мне нужен постоянный пропуск, – попросила Влада.

Она станет заниматься делами фирмы, заведет массу новых знакомств. У нее еще вся жизнь впереди, и она сделает эту жизнь насыщенной и интересной.

Савельев послушно кивнул, пропуская ее в подошедший лифт. Зачем Влада приехала, он не спросил, и правильно. Не его дело.

– Открой мне кабинет Егора, – опередила она вопрос.

Он опять послушно кивнул, провел ее через приемную, из которой две двери вели в Егоров и его собственный кабинеты, отпер дверь кабинета мужа. В приемной сидели две девицы, Влада доброжелательно им кивнула. Одна была маленькая, страшенькая, бесцветная, при виде Влады испуганно сжалась. Вторая Владе решительно не понравилась. Она была яркой, слегка полноватой брюнеткой с монгольскими глазами на славянском лице. Внешность у девки была необычная, привлекала внимание. Брюнетка кивнула Владе спокойно и нагло.

Когда Влада была здесь в последний раз, в приемной сидела только одна тетка лет пятидесяти.

– Секретарши? – равнодушно спросила она, когда Савельев, пропустив ее вперед, закрыл дверь кабинета.

– Секретарь и офис-менеджер.

Савельев остался стоять у двери, пока Влада садилась за огромный Егоров стол.

– Я здесь побуду немного, – отпустила его Влада.

Савельев молча вышел. Влада покачалась в удобном кресле, оглядела огромный кабинет с портретом президента на стене. Это Егор прикалывался, портрет государя должны вешать только настоящие государственные мужи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.